

ISSN 2949-5091 (print)
ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

MOSCOW LAW JOURNAL

2025 № 2

ISSN 2949-5091 (print)

2025 / № 2

ISSN 2949-513X (online)

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Название журнала до сентября 2023 г.: Вестник Московского государственного
областного университета. Серия: Юриспруденция

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

«Московский юридический журнал» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по следующим научным специальностям: 5.1.1 – Теоретико-исторические правовые науки, 5.1.2 – Публично-правовые (государственно-правовые) науки, 5.1.3 – Частно-правовые (цивилистические) науки, 5.1.4 – Уголовно-правовые науки.

The peer-reviewed journal was founded in 1998

“Moscow Juridical Journal” is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation into “the List of reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a PhD Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation) on the following scientific specialties: 5.1.1 – Theoretical and Historical Legal sciences, 5.1.2 – Public Law (State law) sciences, 5.1.3 – Private Law (Civillistic) sciences, 5.1.4 – Criminal Law sciences.

ISSN 2949-5091 (print)

2025 / № 2

ISSN 2949-513X (online)

MOSCOW JURIDICAL JOURNAL

Учредитель журнала «Московский юридический журнал»:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Государственный университет просвещения»

Выходит 4 раза в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Петручак Л. А. — д-р юрид. наук, проф., Государственный университет просвещения; советник ректората, первый проректор — проректор по образовательной деятельности, Московский государственный лингвистический университет; Академик РАЕН

Заместитель главного редактора:

Ермаков Д. Н. — д-р юрид. наук, д-р экон. наук, проф., Государственный университет просвещения

Члены редакционной коллегии:

Воронин М. Ю. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный лингвистический университет;

Голубцов В. Г. — д-р юрид. наук, проф., Пермский государственный национальный исследовательский университет;

Емелина Л. А. — канд. юрид. наук, доцент, РАНХиГС (Президентская академия);

Иванчин А. В. — д-р юрид. наук, проф., Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова;

Клебанов Л. Р. — д-р юрид. наук, проф., Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы;

Крохина Ю. А. — д-р юрид. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова;

Лаптева Л. Е. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Лукьянова Е. Г. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия);

Образцов А. В. — канд. юрид. наук, доцент, Государственный университет просвещения;

Павликов С. Г. — д-р юрид. наук, проф., Российская государственная академия интеллектуальной собственности;

Пастухова Н. Б. — д-р юрид. наук, доцент, Российский центр научной информации;

Петрянин А. В. — д-р юрид. наук, проф., Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации;

Ручкина Г. Ф. — д-р юрид. наук, проф., Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации;

Савина В. С. — д-р юрид. наук, проф., РЭУ им. Г. В. Плеханова;

Цинделиани И. А. — канд. юрид. наук, доцент, Российский государственный университет правосудия;

Чепунов О. И. — д-р юрид. наук, проф., РАНХиГС (Президентская академия).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

Рецензируемый научный журнал «Московский юридический журнал» — печатное издание, в котором публикуются актуальные научные статьи российских и зарубежных учёных, обладающие высоким уровнем качества и новизны, раскрывающие новые подходы в науке к актуальным вопросам истории и теории государства и права, конституционного и муниципального права, гражданского, предпринимательского, семейного, международного частного права, уголовного права и криминологии, уголовно-исполнительного права.

Журнал адресован преподавателям права, аспирантам, докторантам, работникам правоохранительных органов, судьям, юристам и всем интересующимся состоянием юридической науки.

Журнал «Московский юридический журнал» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС 77 - 73346.

Индекс серии «Юриспруденция» по Объединённому каталогу «Пресса России» 40735.

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), его текст доступен в научных электронных библиотеках «eLibrary» (www.elibrary.ru) и «КиберЛенинка» (с 2017 г., www.cyberleninka.ru), а также на сайте (www.lawmgoujournal.ru).

При цитировании ссылка на «Московский юридический журнал» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Московский юридический журнал. — 2025. — № 2. — 78 с.

© Государственный университет просвещения, 2025.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

сайт: www.lawmgoujournal.ru

Founder of "Moscow Juridical Journal"
Federal State University of Education

————— Issued 4 times a year —————

Editorial board

Editor-in-chief:

L. A. Petruchak – Dr. Sci. (Law), Prof., Federal State University of Education; Advisor to the Rector's Office, First Vice-Rector-Vice-Rector for Educational Activities, Moscow State Linguistic University; Academician of the Russian Academy of Natural Sciences;

Deputy editor-in-chief:

D. N. Ermakov – Dr. Sci. (Law), Dr. Sci. (Economics), Prof., Federal State University of Education

Editorial Board:

M. Yu. Voronin – Dr. Sci. (Law), Prof., Moscow State Linguistic University;

V. G. Golubtsov – Dr. Sci. (Law), Prof., Perm State National Research University;

L. A. Emelina – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Ivanchin – Dr. Sci. (Law), Prof., P. G. Demidov Yaroslavl State University;

L. R. Klebanov – Dr. Sci. (Law), Prof., Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia;

Yu. A. Krokhhina – Dr. Sci. (Law), Prof., Lomonosov Moscow State University;

L. E. Lapteva – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

E. G. Lukyanova – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy);

A. V. Obratsov – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Federal State University of Education

S. G. Pavlikov – Dr. Sci. (Law), Prof., Russian State Academy of Intellectual Property;

N. B. Pastukhova – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Russian Center for Science Information;

A. V. Petryanin – Dr. Sci. (Law), Prof., Investigative Committee of Russia;

G. F. Ruchkina – Dr. Sci. (Law), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation;

V. S. Savina – Dr. Sci. (Law), Prof., Plekhanov Russian University of Economics;

I. A. Tsindeliiani – Cand. Sci. (Law), Prof., Assoc. Prof., Russian State University of Justice;

O. I. Chepunov – Dr. Sci. (Law), Prof., RANEPA (Presidential Academy).

ISSN 2949-5091 (print)

ISSN 2949-513X (online)

The Peer-reviewed scientific "Moscow Juridical Journal" is a printed edition that publishes present-day scientific articles, performing high level of quality and novelty, written by Russian and foreign scientists. Articles reveal new approaches in science on topical issues of history and theory of state and law, constitutional and municipal law, civil, business, family, private international law, criminal law and criminology, penal law.

The journal's target audience is teachers, postgraduates, postgraduate students, law enforcement authorities officers, judges, legal advisers and anyone interested in the state of legal science.

The journal "Moscow Juridical Journal" is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications (mass media registration certificate No. FS 77 - 73343).

The subscription index of the "Jurisprudence" series is 40735 in the Press of Russia catalog.

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, and its full texts are available through scientific electronic libraries "eLibrary" (www.elibrary.ru) and "CyberLeninka" (since August 2017; www.cyberleninka.ru), as well as on the journal's site (www.lawmgoujournal.ru).

When citing, the reference to the journal is required. All publications are licensed under the Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY).

The authors bear all the responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the authors. Manuscripts are not returned.

Moscow Juridical Journal. – 2025. – No. 2. – 78 p.

© Federal State University of Education, 2025.

The Editorial Board address:

ul. Radio 10A, office 98, 105005 Moscow, Russian Federation

phone: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: sj@guppros.ru

site: www.lawmgoujournal.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Семенова И. Д. Цифровизация юридического образования: законодательный аспект. 6

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Брюхина Е. Р. Правовая природа и содержание субъективного права на биологическую безопасность в Российской Федерации. 18
Третьякова Е. С., Атаманюк Я. Д. Правовые модели регулирования клонирования человека: от полного запрета к дифференцированному подходу 28
Пашин В. М., Сергунин К. Н. Проблемы и перспективы реализации правозащитного потенциала комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений в образовательных организациях 39

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Королев Е. В. Перспективы урегулирования споров в сфере торгов публичным имуществом посредством медиации 50

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Инишаков С. М., Казакова В. А. Коррупция: резистентность социума. 60
Черепенько Г. В. Использование электронной цифровой подписи в целях оптимизации работы судебных экспертов. 69

CONTENTS

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

I. Semenova. Digitalization of Legal Education: Legislative Aspect 6

PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

E. Bryuhina. Legal Nature and Content of the Individual Right to Biological Safety
in the Russian Federation 18

E. Tretyakova, Ia. Atamaniuk. Legal Models Regulating Human Cloning:
From Prohibition to a Differentiated Approach 28

V. Pashin, K. Sergunin. Problems and Prospects of Revealing the Human Rights
Potential of Commissions for the Settlement of Disputes Between Participants
in Educational Relations Within Educational Organizations 39

PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

E. Korolev. Prospects for Resolving Disputes in the Sphere of Public Property Trading
by Means of Mediation 50

CRIMINAL LAW SCIENCES

G. Cherepenko. Use of an Electronic Digital Signature to Optimize the Work of Forensic
Examiners 69

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 34

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-2-6-17

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Семенова И. Д.

Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева, г. Москва,

Российская Федерация

e-mail: rsuj.sid@yandex.ru

Поступила в редакцию 20.05.2025

После доработки 18.07.2025

Принята к публикации 25.07.2025

Аннотация

Цель. Исследование законодательных основ цифровизации правового образования в Российской Федерации, выявление проблем и перспектив развития.

Процедура и методы. Анализ нормативно-правовых актов, регулирующих сферу образовательного процесса и информационных технологий, а также научных публикаций по теме цифровизации образования. Используются методы сравнительного и системного анализа и контент-анализа.

Результат. Выявлены основные законодательные акты, определяющие цифровую трансформацию правового образования. Делается попытка определения пробелов в правовом регулировании, предложены меры по совершенствованию законодательства в этой сфере. Результаты исследования могут внести вклад в развитие теории и правового регулирования цифровой трансформации высшего образования.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретическая значимость работы заключается в систематизации и обобщении правовых норм, регулирующих цифровизацию образования, в т. ч. правового, а также в выявлении актуальных проблем и перспектив развития законодательства в данной сфере. Выводы и рекомендации могут быть использованы при совершенствовании нормативных правовых актов в сфере цифровой трансформации образования, а также при разработке образовательных программ и методик обучения, в т. ч. в юридических вузах.

Ключевые слова: законодательство, информационные технологии, образовательные технологии, правовое образование, цифровизация

Для цитирования:

Семенова И. Д. Цифровизация юридического образования: законодательный аспект // Московский юридический журнал. 2025. № 2. С. 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-6-17>.

Original research article

DIGITALIZATION OF LEGAL EDUCATION: LEGISLATIVE ASPECT

I. Semenova

Lebedev Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

e-mail: rsuj.sid@yandex.ru

© CC BY Семенова И. Д., 2025.

Received by the editorial office 20.05.2025

Revised by the author 18.07.2025

Accepted for publication 25.07.2025

Abstract

Aim. To study the legislative framework for the digitalization of legal education in the Russian Federation, identifying problems and development prospects.

Methodology. This study analyses regulations governing the field of education and information technology, as well as scientific publications on the digitalization of education. Comparative analysis, system analysis, and content analysis methods have been used.

Results. The key legislative acts defining the digital transformation of legal education have been determined. An attempt was made to identify gaps in legal regulation, and improvements in legislation are proposed. The results of this study can contribute to the development of the theory and legal regulation of the digital transformation of higher education.

Research implications. The theoretical significance of the work lies in the systematization and generalization of legal norms governing the digitalization of education, including legal education, as well as in the identification of current challenges and prospects for the development of legislation in this area. The conclusions and recommendations can be used in the development and improvement of regulations in the field of digital transformation of education, as well as in the development of educational programs and teaching methods in law schools.

Keywords: digitalization, educational technologies, information technology, legislation, legal education

For citation:

Semenova, I. D. (2025). Digitalization of Legal Education: Legislative Aspect. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 6–17. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-6-17>.

Введение

Современное общество характеризует-ся стремительным развитием информационных технологий, которые оказывают существенное влияние на все сферы жизни, включая образование. Цифровизация юридического образования становится неотъемлемой частью этого процесса, открывая новые возможности для повышения качества обучения, расширения доступа к образовательным ресурсам и формирования у обучающихся необходимых цифровых компетенций. Однако развитие цифровых образовательных технологий требует в т. ч. и соответствующего законодательного регулирования, которое обеспечит соблюдение прав и законных интересов всех участников образовательного процесса, создаст условия для эффективного функционирования цифровой образовательной среды.

В данной статье рассматривается законодательный аспект цифровизации

юридического образования в Российской Федерации. Анализируются действующие нормативные акты и программные документы, выявляются проблемы и противоречия, а также предлагаются меры по совершенствованию правового регулирования данной сферы.

Понятие и сущность цифровизации юридического образования

Прежде чем перейти к анализу законодательства, необходимо определить ключевые понятия. В этой связи стоит отметить ряд определений цифровизации, предложенных отечественными учёными.

Так, В. Г. Халин и Г. В. Чернова полагают, что цифровизация – это «преобразование информации в цифровую форму, которое в большинстве случаев ведет к снижению издержек, появлению новых возможностей, к повышению эффективности экономики и улучшению качества жизни» [1, с. 46–63].

Т. А. Герасимова и Н. В. Москвитина понимают цифровизацию как «процесс внедрения и использования инновационных технологий и принципов цифровой экономики в социально-экономических сферах жизнедеятельности общества», который «сопровождается тотальной автоматизацией, роботизацией и внедрением искусственного интеллекта» [2, с. 310–315].

Я. И. Ключевский и А. Э. Святогорова в своих работах по отечественной юриспруденции проводят анализ цифровизации, рассматривая её как технологический и социально-гуманитарный процесс. Учёные предлагают авторское определение цифровизации, в котором подчёркивается важность личностного компонента – цифровой грамотности, считая её ключевым условием для успешной цифровой трансформации в сферах государственного управления и законодотворчества [3, с. 156–161].

Р. В. Пузиков отмечает, что «цифровизация, нарастающее внедрение цифровых ресурсов во все сферы жизни общества – мировая тенденция, которую нельзя остановить» [4, с. 207–212].

В. А. Плотников считает, что «цифровизация – современный этап развития информатизации, отличающийся преобладающим использованием цифровых технологий генерации, обработки, передачи, хранения и визуализации информации» [5, с. 16–24].

Таким образом, в большинстве случаев учёные определяют термин «цифровизация», прежде всего, как процесс, нацеленный на внедрение современных цифровых технологий в различные сферы жизни общества.

В последние годы ведётся активная работа по цифровой трансформации высшего образования, выработке оптимальных и эффективных подходов к цифровизации образования. По экспертному мнению, переход на обучение с использованием цифровых инструментов направлен на повышение эффективности учебного процесса и уровня цифровой грамотности студентов, подготовку конкурентоспособных специалистов, востребованных на рынке

труда. В целом цифровизация обучения в профессиональном сообществе воспринимается как перспективное направление, которое должно способствовать обеспечению доступности и повышению качества образования [6, с. 25–39].

В условиях активного внедрения цифровых технологий в процессы обучения трансформируется и юридический образовательный процесс. В настоящее время цифровизация юридического образования рассматривается как комплексный процесс инновационного внедрения современных цифровых технологий, в т. ч. информационных систем и электронных ресурсов, в образовательную деятельность по подготовке юристов и формированию правовой культуры. Этот процесс охватывает все этапы образовательного цикла: от разработки образовательных программ и учебных материалов до организации учебного процесса, оценки знаний и взаимодействия между участниками образовательных отношений.

Следует отметить, что современные тенденции в области цифровизации сферы образования юристов предполагают ряд цифровых возможностей. Прежде всего, речь идёт о технологии искусственного интеллекта, с помощью которого обучающиеся могут лучше понимать и усваивать материал, а преподаватели, используя его возможности, могут применять более эффективные способы и приёмы обучения студентов, тем самым повышая качество их обучения. Подготовка юристов с применением цифровых технологий представляется особенно актуальной, т. к. в условиях быстро меняющегося мира необходимы специалисты, способные оперативно и эффективно решать сложные юридические задачи [7, с. 266–267]. Именно элементы цифровых технологий, применяемые в сфере юридического образования, способствуют формированию указанных навыков у студентов.

К ключевым элементам цифровизации юридического образования можно отнести:

- онлайн-курсы и электронные учебные материалы;

- использование искусственного интеллекта;
- применение виртуальной (VR) и дополненной (AR) реальности¹;
- использование справочно-правовых систем;
- организацию контроля знаний с помощью компьютерного тестирования;
- обучение студентов использованию научной электронной библиотеки (например, eLIBRARY.RU, которая обеспечивает доступ к публикациям учёных, включённых в Российский индекс научного цитирования – РИНЦ) [7; 8; 9].

Созданию и успешному функционированию указанных элементов цифровизации способствовало в т. ч. и принятие своевременных решений в области цифровой трансформации государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы.

О стратегических и программных документах, содержащих вопросы развития цифровизации в сфере высшего образования

Направления развития цифровой трансформации высшего образования содержатся в ряде стратегических и программных документов. Так, в Указе Президента Российской Федерации № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на

перспективу до 2036 года» (далее – Указ Президента № 309) в качестве основной национальной цели развития РФ предусмотрена цифровая трансформация, для чего необходимо достижение к 2030 г. «цифровой зрелости» ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в т. ч. образования².

В настоящее время Правительством РФ ведётся работа по формированию Стратегии развития образования до 2036 г. и на перспективу до 2040 г., которая должна обеспечить выполнение целевых показателей, характеризующих достижение национальных целей развития России, определённых Указом № 309. Должен сформироваться единый документ, определяющий ключевые направления развития всех уровней системы образования. Стратегия должна содержать в т. ч. и меры по развитию цифровизации образования и основные подходы достижения «цифровой зрелости» в этой сфере.

Правительством РФ утверждено актуализированное стратегическое направление в области цифровой трансформации науки и высшего образования до 2030 г.³. Целью стратегического направления является «достижение высокого уровня цифровой зрелости научными организациями, образовательными организациями высшего образования и Министерством науки и высшего образования Российской Федерации, способствующего достижению технологического лидерства и долгосрочного устойчивого социально-экономического развития страны. Это достигается путём оптимизации и трансформации процессов с применением общих информационных моделей, сквозных цифровых технологий, унифицированных цифровых решений и централизованных сервисов (вычислительные мощности, технологии искусственного интеллекта) в условиях

¹ Виртуальная реальность (англ. *Virtual Reality*, VR) – является технологией взаимодействия человека и машины, позволяющей пользователю погрузиться в трёхмерную интерактивную информационную среду. Дополненная реальность (англ. *Augmented Reality*, AR) – это технология, которая путём добавления виртуальных элементов к реальному миру дополняет и улучшает восприятие информации. Она позволяет совмещать цифровые элементы с реальным миром, создавая интерактивные визуальные эффекты для визуального дополнения печатных материалов. Технологии виртуальной и дополненной реальности – это эффективный инструмент для повышения качества образования. Эти технологии способствуют развитию творческих способностей учащихся, стимулируют их интерес к обучению (см.: Хабиева С. Р. Использование виртуальной и дополненной реальности в образовательном процессе // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 6. С. 316–318).

² Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС Консультант Плюс.

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.07.2025 № 1805-р // СПС Консультант Плюс.

высокой динамики изменений внешних и внутренних факторов»¹.

В настоящее время одной из программ цифровой трансформации высшего образования является программа стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» – крупнейшая в новейшей истории России государственная программа поддержки университетов. Её цель – к 2030 г. сформировать в России более 100 прогрессивных современных университетов – центров научно-технологического и социально-экономического развития страны. Эксперты считают, что она «тесно связана с цифровой трансформацией образования, т. к. ориентирована на создание современных вузов, способных интегрировать цифровые технологии в образовательные, научные и управленческие процессы» [10, с. 139–147].

До 2025 г. программа «Приоритет-2030» реализовалась в рамках федеральных проектов «Развитие интеграционных процессов в сфере науки, высшего образования и индустрии», «Развитие кадрового потенциала ИТ-отрасли», входящих в состав национальных проектов «Наука и университеты» и «Цифровая экономика Российской Федерации» соответственно.

По данным Счетной палаты РФ, «с 2021 по 2024 г. общий объем господдержки, оказанной вузам в рамках Программы, составил 113,6 млрд руб. За время ее реализации ежегодный объем финансирования вузов вырос более чем в 2 раза – с 15 до 31,7 млрд руб. Программа стала основой для создания “бюджета развития” университетов, однако его доля в общем объеме финансирования вузов относительно невелика – от 9 до 14,6%»².

В 2024 г. В. В. Путин, выступая с Посланием Федеральному Собранию РФ, отметил, что «важно повысить потенциал и качество всей высшей школы, поддержать вузы, которые стремятся к развитию. На это направлена наша программа “Приоритет-2030”. Её финансирование рассчитано до конца текущего года. Безусловно, предлагаю продлить её ещё на 6 лет и выделить дополнительно порядка 190 млрд руб.»³. В связи с этим программа «Приоритет-2030» была обновлена и с 2025 г. реализуется в рамках национально-го проекта «Молодёжь и дети»⁴.

Реализация мер по развитию цифровой трансформации образования и достижению «цифровой зрелости» в этой сфере, предусмотренных в стратегических и программных документах, требует законодательного обеспечения. В этих целях принят ряд федеральных законов.

О принятых законодательных мерах в области цифровизации образовательной деятельности

Правовые основы применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий заложены в Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 273-ФЗ).

Федеральным законом № 273-ФЗ установлено, что организации, осуществляющие образовательную деятельность, вправе применять электронное обучение, дистанционные образовательные технологии при реализации образовательных программ в порядке, установленном правительством РФ. Даны определения ключевым понятиям «электронное обучение»

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.07.2025 № 1805-п // СПС Консультант Плюс.

² Отчёт Счетной палаты Российской Федерации о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ реализации мер государственной поддержки программ развития университетов в рамках программы стратегического академического лидерства “Приоритет-2030” в 2021–2023 годах и истекшем периоде 2024 года».

³ Послание Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29.02.2024 г. // СПС Консультант Плюс.

⁴ Национальный проект «Молодёжь и дети» разработан в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

и «дистанционные образовательные технологии».

Федеральным законом № 273-ФЗ предусмотрено, что при реализации образовательных программ с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий организация, осуществляющая образовательную деятельность, обеспечивает защиту сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну.

Правовые основы регулирования отношений, возникающих при применении информационных технологий и обеспечении защиты информации, установлены Федеральным законом № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Наряду с развитием законодательства в сфере электронного обучения и дистанционных образовательных технологий дальнейшее совершенствование получило подзаконное регулирование в этой области. Так, в целях реализации положений Федерального закона № 273-ФЗ правительством принято Постановление № 1678, определяющее порядок применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ¹.

Предусмотрено, что для реализации образовательной программы в течение всего периода обучения для участников образовательных отношений должны быть созданы условия получения доступа к электронной информационно-образовательной среде образовательной организации, обеспечивающей: доступ к учебным планам и рабочим программам, онлайн-курсам и электронным учебно-методическим материалам; доступ к базам данных и информационным справочным системам; фиксацию

хода образовательного процесса, результатов промежуточной аттестации, текущего контроля успеваемости и итоговой аттестации; возможность проведения всех видов занятий, оценки результатов обучения по образовательным программам, реализация которых предусмотрена с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий; формирование цифрового индивидуального электронного портфолио обучающегося.

Таким образом, данные меры довольно полно отвечают вызовам цифровой эпохи. Принятые решения и их реализация позволили достичь значимых результатов. Так, уровень зрелости цифровой трансформации в целом в сфере науки и высшего образования составил 45%², в т. ч.:

- доля образовательных организаций высшего образования и научных организаций, разработавших и внедривших стратегию цифровой трансформации, – 34%;

- доля образовательных организаций высшего образования и научных организаций, внедривших политику централизованного управления данными, – 23%.

Ежегодный объём собираемых образовательными организациями высшего образования и научными организациями данных для дальнейшего использования составляет около 126 петабайт³.

Вместе с тем, несмотря на достигнутые результаты, по экспертному мнению, наблюдается отставание в вопросах цифровизации процессов обучения⁴. Сдерживающим фактором цифровизации образования, в т. ч. юридического, является ряд проблем правового характера.

¹ Постановление Правительства РФ от 11.10.2023 № 1678 «Об утверждении Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // СПС Консультант Плюс.

² Оценка уровня зрелости проведена Министерством науки и высшего образования Российской Федерации в период с 4 по 19 июля 2023 г.

³ Единица измерения объёма цифровой информации в Международной системе единиц.

⁴ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.07.2025 № 1805-р // СПС Консультант Плюс.

Проблемы и меры по совершенствованию законодательного регулирования цифровизации образования

Анализ показал, что, несмотря на наличие нормативной базы, регулирующей цифровизацию образования, в т. ч. правового, существует ряд факторов, сдерживающий развитие указанной сферы.

Прежде всего это *недостаточная детализация регулирования*. Законодательство РФ содержит лишь общие положения о применении электронного обучения и дистанционных образовательных технологий. Отсутствуют конкретные требования к организации образовательного процесса и качеству образования с использованием цифровых инструментов. Это создаёт неопределённость для образовательных организаций и сдерживает эффективное применение цифровых образовательных технологий.

В сложившейся ситуации возникают судебные споры, затрагивающие вопросы реализации на практике положений законодательства и нормативных документов в сфере применения цифровых технологий в образовании. Анализ судебной практики по спорным вопросам цифровизации образования показал, что наряду судебными решениями, в которых отмечаются непротиворечивость, соподчинённость нормативных правовых актов, существуют и решения, в которых обращается внимание на законодательный пробел.

Например, Верховным Судом РФ рассмотрено заявление о признании недействующим абз. 1 п. 12 Правил применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ¹ (решение Судебной коллегии по административным делам ВС РФ от 10.01.2025 г. № АКПИ24-884). Истцы, ссылаясь на то, что оспариваемое положение противоречит ст. 1 и отдель-

ным положениям ст.ст. 3 и 5 Федерального закона № 273-ФЗ, ограничивает обучающихся в выборе получения образования с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий или без применения таковых, чем нарушает их права.

В указанном решении отмечается, что «нормы Федерального закона № 273-ФЗ, на которые ссылаются истцы в обоснование заявленного требования, касаются предмета регулирования названного федерального закона, принципов государственной политики и правового регулирования в сфере образования, государственных гарантий права на образование и не затрагивают вопросов электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ. Какого-либо федерального закона или нормативного правового акта большей юридической силы, устанавливающего иное правовое регулирование, не имеется».

Проанализировав действующее законодательное и нормативное регулирование, Суд пришёл к выводу, что оспариваемое положение нормативного правового акта соответствует нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу. Оснований для вывода о том, что оспариваемая норма ограничивает право обучающихся (их законных представителей) в выборе получения образования с применением электронного обучения, дистанционных образовательных технологий или без применения таковых, не имеется.

В качестве другого примера можно привести решения Арбитражного суда Оренбургской области от 26.06.2021 по делу № А47-16756/2020. Так, исходя из его положений, можно сделать вывод о неопределённости в соотношении понятий, отражающих форму обучения (очная, очно-заочная, заочная) и способ организации обучения с применением дистанционных образовательных технологий. Так, в ходе спора между некоммерческой организацией дополнительного профессионального образования и региональным ор-

¹ Утверждены постановлением Правительства Российской Федерации от 11.10.2023 № 1678.

ганом исполнительной власти истцом был заявлен аргумент, в соответствии с которым «очно-заочная форма обучения с применением дистанционных образовательных технологий и электронного обучения» должна рассматриваться как очная форма обучения с применением дистанционных образовательных технологий. В указанном документе отмечается, что «в очной форме с применением дистанционных образовательных технологий осуществляется “живой” контакт с преподавателем по модели “дистанционный преподаватель и обучающиеся”. Применение этой модели предполагает проведение дистанционной лекции одним или несколькими преподавателями, при этом преподаватель работает в очном режиме. По мнению истца, данная форма обучения не противоречит ст. 16 Федерального закона № 273-ФЗ».

Следует отметить, что в судебном акте не содержится подробной итоговой позиции по данному вопросу (однако это не являлось принципиальным для разрешения спора с учётом всех обстоятельств дела). В то же время сама постановка вопроса обращает внимание на то обстоятельство, что в Федеральном законе № 273-ФЗ действительно отсутствует установление прямого соотношения понятий очного, очно-заочного и заочного образования со специальными понятиями «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии». В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть возможность внесения изменений ст. 16 Федерального закона № 273-ФЗ, предусматривающих устранение данного законодательного пробела¹.

Эксперты также отмечают, что существуют расхождения в трактовке основных понятий в сфере информатизации образования, несмотря на то, что в законодательстве даны определения понятий «элек-

тронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии». Следует отметить, что наряду с указанными понятиями широко используются термины «онлайн-обучение», «цифровое образование», «интернет-обучение». По экспертному мнению, они часто рассматриваются как синонимы, что не вполне корректно. Более того, неоднозначное толкование указанных терминов наблюдается как на уровне правоприменительной практики, так и в официальных документах. В связи с этим в экспертных кругах обсуждается необходимость дополнения ст. 2 Федерального закона № 273-ФЗ определениями понятий «цифровое образование», «онлайн-обучение» [11, с. 45–48].

Можно без преувеличения отметить, что «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии» – основные нормативные понятия цифрового образования [12, с. 185–195]. В то время как онлайн-обучение эксперты определяют как форму получения образования на основе электронных и дистанционных образовательных технологий.

Таким образом, при проектировании в ст. 2 Федерального закона № 273-ФЗ понятия «цифровое образование» необходимо понимать, что это не о применении электронных систем, ресурсов, технологий вообще, а об их применении с целью достижения образовательных результатов [12, с. 185–195], а при определении понятия «онлайн-обучение» необходимо учитывать, что электронное обучение и дистанционные образовательные технологии здесь могут выступать именно как технологии, применяемые с целью реализации формы обучения.

Отдельного внимания заслуживают вопросы развития цифровых компетенций преподавателей. Следует отметить, что процесс цифровизации юридического образования с каждым годом стремительно развивается. В таких условиях профессорско-преподавательский состав должен обладать необходимыми цифровыми компетенциями для эффективного использования цифровых образовательных техно-

¹ Архипов В. В. Отчёт о результатах мониторинга правоприменения. Применение цифровых технологий в образовании, государственном управлении [Электронный ресурс]. URL: https://pravoprим.spbu.ru/images/Архипов_Цифровые_технологии_в_образовании.pdf (дата обращения: 05.03.2025).

логий. В отдельных случаях это особенно актуально для педагогических кадров (не имеющих технического образования) в сфере общественных и гуманитарных наук, в числе которых юриспруденция.

В настоящее время требования к цифровым компетенциям преподавателей в Российской Федерации регулируются не одним федеральным законом, а целым рядом взаимосвязанных нормативных актов, которые в совокупности обязывают педагогов владеть широким спектром навыков: от базового использования цифровых устройств и поиска информации до создания цифровых образовательных продуктов и обеспечения безопасности в сети.

Так, Федеральный закон № 273-ФЗ обязывает образовательные организации создавать соответствующую электронную информационно-образовательную среду, внедрять электронное обучение и дистанционные образовательные технологии, что напрямую требует цифровой грамотности педагогов, а также использования педагогами в своей профессиональной деятельности информационно-коммуникационных технологий.

Федеральные законы № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и № 152-ФЗ «О персональных данных» создают правовую базу для работы с цифровой информацией и данными обучающихся, что также входит в компетенции педагога.

Федеральные государственные образовательные стандарты включают требования к результатам освоения образовательных программ, в т.ч. в части формирования у обучающихся цифровых компетенций. Это, в свою очередь, требует от преподавателей владения соответствующими технологиями и методами обучения.

Цели и задачи по развитию цифровых навыков у педагогов и обучающихся определены в национальных проектах. В частности, федеральный проект «Цифровая образовательная среда», который реализовался в рамках национального проекта «Образование», для работников, привлекаемых к образовательной деятельности,

предусматривал повышение квалификации с целью повышения их компетенций в области современных технологий.

Таким образом, требования к цифровым компетенциям преподавателей в Российской Федерации носят комплексный характер, в законодательстве чётко не закреплёно требование о наличии у педагогов компетенций в сфере информационно-коммуникационных технологий.

В связи с этим пробелом на правовом уровне является отсутствие в законодательстве Российской Федерации требования о наличии у преподавателей цифровых компетенций. По мнению учёных, необходимо изменить требования к кандидатам на должности педагогов с учётом новых реалий. В частности, экспертами предлагается рассмотреть возможность расширения перечня требований к лицам, претендующим на право заниматься педагогической деятельностью, дополнив его наличием цифровых компетенций. Данные законодательные новации могли бы быть предусмотрены в ст. 46 Федерального закона № 273-ФЗ [13, с. 74–78]. Вместе с тем, на наш взгляд, одинаковые требования к уровню цифровых компетенций нельзя распространять на всех претендентов на право заниматься педагогической деятельностью. Они должны напрямую зависеть от сферы педагогической деятельности: более высокие требования – к педагогам, обучающим студентов специальностей, отнесённых к ИТ-сфере, и, допустим, «пользовательские требования» – к обучающим студентов по гуманитарным, общественным направлениям.

Полагаем, что предлагаемые новации нуждаются в дополнительном обсуждении с привлечением представителей различных экспертных сообществ. На наш взгляд, следует рассмотреть возможность установления требований о наличии у преподавателей цифровых компетенций в подзаконных нормативных актах, например в квалификационных справочниках и (или) профессиональных стандартах. Следует отметить, что с момента принятия Федерального закона № 273-ФЗ в его

текст около 170 раз вносились изменения. Урегулирование данного вопроса посредством внесения изменений в подзаконные акты позволит не перегружать федеральное законодательство и будет способствовать обеспечению его стабильности.

К другим вопросам, требующим внимания, можно отнести обеспечение защиты персональных данных участников образовательного процесса при использовании ими цифровых образовательных платформ и ресурсов. Что является критически важным. Существующее законодательство требует соблюдения определённых мер по защите персональных данных, но необходимы усиление контроля за их соблюдением, а также разработка дополнительных мер по обеспечению безопасности данных. Это может включать требования к шифрованию данных, регулярному аудиту безопасности информационных систем, а также к обучению сотрудников образовательных организаций правилам обработки персональных данных. Важно также совершенствовать механизмы оперативного реагирования на случаи утечки данных и привлечения к ответственности нарушителей.

В целом вопросы развития законодательного регулирования цифровизации образования, в т. ч. юридического, требуют комплексного подхода. По экспертному мнению, действующая нормативная база, регулирующая применение электронного обучения и дистанционных образовательных технологий, характеризуется фрагментарностью и пробельностью. Это часто восполняется локальным регулированием, которое может порождать несогласованность на практике [11, с. 45–48].

В связи с этим в экспертных кругах обсуждается целесообразность принятия отдельного федерального закона, направленного не только на систематизацию и унификацию правовых основ использования цифровых технологий в образовании, но и на то, чтобы он заложил основы для дальнейшего развития данной сферы. В работе К. А. Ишекова, Л. Н. Боковой отмечается, что такой федеральный закон,

прежде всего должен урегулировать ряд основных аспектов, например: «формы реализации образовательных программ с использованием электронного обучения и дистанционных технологий; требования к электронной информационно-образовательной среде; особенности лицензирования и аккредитации образовательной деятельности с использованием электронного обучения; механизмы финансирования разработки и внедрения цифровых образовательных технологий и ресурсов» [11, с. 45–48].

Это позволило бы создать единую юридическую базу для эффективного функционирования системы дистанционного образования в Российской Федерации.

Заключение

Цифровизация юридического образования является неотъемлемым процессом, требующим соответствующего законодательного регулирования. Анализ действующего законодательства выявил ряд пробелов, сдерживающих эффективное развитие цифровой трансформации образования. Для решения этих проблем необходимо совершенствование нормативной базы, включая разработку законодательных новаций, направленных на систематизацию и унификацию правовых основ использования информационно-коммуникационных технологий в образовании. Это позволит создать благоприятные условия для развития цифрового юридического образования, повысить его доступность и качество, а также подготовить квалифицированных юристов, готовых к работе в условиях цифровой экономики. Вместе с тем при активном развитии цифровизации юридического образования важно соблюдать баланс между информационными технологиями и традиционными методами обучения. Несмотря на преимущества, цифровизация образовательного процесса имеет слабые стороны. Среди них излишняя зависимость от устройств, уменьшение личного общения и социализации обучающихся. Без долж-

ного внимания к данным аспектам, цифровые технологии могут подстегнуть риски интеграции в современное общество [14, получения обучающимися образования с. 649–653].

ЛИТЕРАТУРА

1. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и ее влияние на российскую экономику и общество: преимущества, вызовы, угрозы и риски // Управленческое консультирование. 2018. № 10. С. 46–63. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63
2. Герасимова Т. А., Москвитина Н. В. Содержание понятий «цифровая экономика», «цифровизация в сфере государственного управления» // Социальная реальность виртуального пространства: мат-лы конф. / под ред. О. А. Полюшкевича, Г. В. Дружинин Иркутск: ИГУ, 2019. С. 310–315.
3. Ключевский Я. И., Святогорова А. Э. О содержании и понятии цифровизации в отечественной юридической доктрине // Образование и право. 2025. № 1. С. 156–161. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-156-161
4. Пузиков Р. В., Максимова И. М. Цифровизация образования: теоретический и социологический аспекты // 3i: Intellect, Idea, Innovation – интеллект, идея, инновация. 2020. № 2. С. 207–212.
5. Плотников В. А. Цифровизация производства: теоретическая сущность и перспективы развития в российской экономике // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 4. С. 16–24.
6. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Современное юридическое образование: актуальные вопросы внедрения цифровых технологий // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 2. С. 25–39. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.02
7. Мазина Р. Р. Цифровизация юридического образования: проблемы и решения // Современное образование: содержание, технологии, качество: материалы XXIX международной научно-методической конференции (Санкт-Петербург, 19 апреля 2023 г.). Т. 1. СПб.: Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет им. В. И. Ульянова (Ленина), 2023. С. 266–267.
8. Мальцева С. Н., Геранин В. В. Цифровизация юридического образования: проблемы и перспективы // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10. № 2. С. 447–451. DOI: 10.33619/2414-2948/99.
9. Олейников С. А. Внедрение цифровых технологий в процесс обучения юридическим дисциплинам // Молодой ученый. 2023. № 43. С. 352–354.
10. Шматко А. Д., Волкова А. А. Цифровая трансформация образования: тренды и перспективы развития // Общество: социология, психология, педагогика. 2025. № 6. С. 139–147. DOI: 10.24158/spp.2025.6.16
11. Ишеков К. А., Бокова Л. Н. Правовое регулирование использования информационных технологий в сфере образования // Конституционное и муниципальное право. 2025. № 1. С. 45–48.
12. Ожиганова М. В. Нормативно-правовые основы применения электронного обучения и дистанционных образовательных технологий // Наука. Информатизация. Технологии. Образование: мат-лы конф. Екатеринбург: Издательство РГППУ, 2019. С. 185–195.
13. Громова Н. С., Пашук Е. О. Цифровизация юридического образования: социально-правовые проблемы и перспективы // Бюллетень инновационных технологий. 2022. Т. 6. № 4. С. 74–78.
14. Преимущества и недостатки цифровизации образования / Ю. В. Малькова, Е. М. Кот, О. С. Горбунова, И. Ф. Пильникова, С. В. Петрякова // Образование и право. 2024. № 6. С. 649–653. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-6-649-653

REFERENCES

1. Khalin, V. G. Chernova, G. V. (2018). Digitalization and Its Impact on the Russian Economy and Society: Advantages, Challenges, Threats and Risks. In: *Administrative Consulting*, 10, 46–63. DOI: 10.22394/1726-1139-2018-10-46-63 (in Russ.).
2. Gerasimova, T. A. & Moskvitina, N. V. (2019). Content of the Concepts of “Digital Economy,” “Digitalization in the Field of Public Administration”. In: Polyushkevich, O. A. & Druzhinin, G. V., eds. *Social Reality of Virtual Space*. Irkutsk: ISU publ., pp. 310–315 (in Russ.).
3. Klyuchevsky, Y. I. & Svyatogorov, A. E. (2025). On the Content and Concept of Digitalization in Domestic Legal Doctrine. In: *Education and Law*, 1, 156–161. DOI: 10.24412/2076-1503-2025-156-161 (in Russ.).

4. Puzikov, R. V. & Maksimova, I. M. (2020). Digitalization of Education: Theoretical and Sociological Aspects. In: *3i: Intellect, Idea, Innovation*, 2, 207–212 (in Russ.).
5. Plotnikov, V. A. (2018). Digitalization of Production: Theoretical Essence and Development Prospects in the Russian Economy. In: *Izvestia of the St. Petersburg State University of Economics*, 4, 16–24 (in Russ.).
6. Umnova-Konyukhova, I. A. & Aleshkova, I. A. (2022). Modern Legal Education: Topical Issues of the Introduction of Digital Technologies. In: *Social and Humanitarian sciences: Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law*, 2, 25–39. DOI: 10.31249/rgpravo/2022.02.02 (in Russ.).
7. Mazina, R. R. (2023). Digitalization of Legal Education: Problems and Solutions. In: *Modern Education: Content, Technologies, Quality: Proceedings of the XXIX International Scientific and Methodological Conference (St. Petersburg, April 19, 2023). Vol. 1*. St. Petersburg: St. Petersburg State Electrotechnical University named after V. I. Ulyanov (Lenin) publ., pp. 266–267 (in Russ.).
8. Maltseva, S. N. & Geranin, V. V. (2024). Digitalization of Legal Education: Problems and Prospects. In: *Bulletin of Science and Practice*, 10-2, 447–451. DOI: 10.33619/2414-2948/99 (in Russ.).
9. Oleinikov, S. A. (2023). Introduction of Digital Technologies in the Process of Teaching Legal Disciplines. In: *Young Scientist*, 43, 352–354 (in Russ.).
10. Shmatko, A. D. & Volkova, A. A. (2025). Digital Transformation of Education: Trends and Development Prospects. In: *Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*, 6, 139–147. DOI: 10.24158/spp.2025.6.16 (in Russ.).
11. Ishekov, K. A. & Bokova, L. N. (2025). Legal Regulation of the Use of Information Technologies in the Field of Education. In: *Constitutional and municipal law*, 1, 45–48 (in Russ.).
12. Ozhiganova, M. V. (2019). Regulatory Framework for the Use of Electronic and Distance Learning Technologies. In: *Science. Informatization. Technology. Education*. Yekaterinburg: RGPPU publ., pp. 185–195 (in Russ.).
13. Gromova, N. S. & Pashchuk, E. O. (2022). Digitalization of Legal Education: Social and Legal Problems and Prospects. In: *Bulletin of Innovative Technologies*, 6-4, 74–78 (in Russ.).
14. Malkova, Yu. V., Kot, E. M., Gorbunova, O. S., Pilnikova, I. F. & Petryakova, S. V. (2024). Advantages and Disadvantages of Digitalization of Education. In: *Education and Law*, 6, 649–653. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-6-649-653 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Семенова Индира Джотдаевна (г. Москва) – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева;
e-mail: rsuj.sid@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Indira D. Semenova (Moscow) – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Foreign Languages, Lebedev Russian State University of Justice;
e-mail: rsuj.sid@yandex.ru

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 34.096

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-2-18-27

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И СОДЕРЖАНИЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА НА БИОЛОГИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Брюхина Е. Р.

Высшая школа экономики, Пермский филиал, г. Пермь, Российская Федерация

e-mail: erbruhina@hse.ru

Поступила в редакцию 24.10.2025

После доработки 10.11.2025

Принята к публикации 18.11.2025

Аннотация

Цель. Анализ правовой природы и содержания субъективного права на биологическую безопасность в Российской Федерации.

Процедура и методы. Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов, применение которых позволило достичь поставленной цели и решить конкретные исследовательские задачи. Формально-юридический (догматический) метод выступил в качестве основного инструмента анализа. С его помощью была проведена дефиниция ключевых понятий («биологическая безопасность», «субъективное право», «биологический риск»), метод позволил выявить пробелы и коллизии в нормативном определении биологической безопасности, в частности сужение круга охраняемых субъектов. Сравнительно-правовой метод был применён для сопоставления нормативного подхода к определению права на биологическую безопасность с позициями, представленными в современной российской правовой доктрине, что позволило аргументировать позицию о комплексной природе субъективного права на биобезопасность и обосновать его самостоятельный характер. Метод системного подхода обеспечил рассмотрение права на биологическую безопасность не как изолированного явления, а как элемента сложной, развивающейся системы «биоправа».

Результаты. Обосновано, что субъективное право на биологическую безопасность обладает сложным содержанием, включающим общие и специальные элементы, которые базируются на фундаментальных принципах, обуславливают потребность в развитии и конкретизации системы принципов биоправа. В самостоятельный блок следует выделять принципы биологической безопасности, способствующие развитию объективного и субъективного права на биологическую безопасность. Сделан вывод, о том, что действующее нормативное определение биологической безопасности, закреплённое в Федеральном законе № 492-ФЗ, является недостаточно релевантным в контексте современных вызовов. Выявлено, что основной недостаток действующей дефиниции заключается в сужении круга охраняемых субъектов до абстрактных коллективных образований – «населения» и «окружающей среды». Предложено определение категории «право на биологическую безопасность».

Теоретическая и/или практическая значимость. Легитимация комплексного субъективного права на биологическую безопасность позволит трансформировать современную парадигму, в которой человек выступает преимущественно объектом защиты таким образом, что гражданин выступит активным правосубъектным участником системы биобезопасности, что в конечном итоге повысит эффективность противодействия биологическим угрозам на национальном уровне.

Ключевые слова: биоправо, право на биологическую безопасность, обеспечение биологической безопасности, субъективное право, биоэтика

Благодарности и источники финансирования. Статья подготовлена в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» совместно НИУ ВШЭ-Пермь, ТюмГУ на тему: «Актуальные аспекты прав человека в контексте биоэтики».

Для цитирования:

Брюхина Е. Р. Правовая природа и содержание субъективного права на биологическую безопасность в Российской Федерации // Московский юридический журнал. 2025. № 2. С. 18–27. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-18-27>.

Original research article

LEGAL NATURE AND CONTENT OF THE INDIVIDUAL RIGHT TO BIOLOGICAL SAFETY IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. Bryuhina

HSE University, Perm Branch, Perm, Russian Federation

e-mail: erbruhina@hse.ru

Received by the editorial office 24.10.2025

Revised by the author 10.11.2025

Accepted for publication 18.11.2025

Abstract

Aim. To analyze the legal nature and content of the individual right to biological safety in the Russian Federation

Methodology. A complex of general scientific and private scientific methods was a methodological basis of the study, application of which made it possible to achieve the set goal and solving specific research tasks. The formal-legal (dogmatic) method was a main tool of analysis. With its help, the definition of key concepts (“biological safety”, “individual right”, “biological risk”) was carried out, the method allowed to identify gaps and collisions in the regulatory definition of biological safety, particularly the narrowing of the circle of protected subjects. The comparative legal method was used to compare the normative approach to defining the right to biological safety with the positions presented in modern Russian legal doctrine. It made it possible to both prove complex nature of the individual right to biological safety and to substantiate its independent character. In both cases the method was a systematic approach.

Results. It is substantiated that the individual right to biological security has a complex content that includes general and specific elements based on fundamental principles, which necessitates the development and specification of the system of principles of biopower. The principles of biological security should be considered as an independent block that contributes to the development of objective and individual right to biological security. It is concluded that the current regulatory definition of biological security, as stated in Federal Law no. 492, is insufficiently relevant in the context of current challenges. It has been revealed that the main drawback of the current definition is the narrowing of the range of protected subjects to abstract collective entities such as “the population” and “the environment.” A definition of the category “the right to biological safety” has been proposed.

Research implications. The significance lies in the fact that the legitimization of a comprehensive individual right to biological security will transform the current paradigm, in which the individual is primarily an object of protection, into a system in which the individual is an active legal participant in the biological security system, ultimately increasing the effectiveness of countering biological threats at the national level.

Keywords: biolaw, right to biological safety, ensuring biological safety, subjective right, bioethics

Acknowledgments. The article was conducted as part of the “Mirror Laboratories” project supported by HSE-Perm and TSU on the topic “Current Aspects of Human Rights in the Context of Bioethics.”

For citation:

Bryuhina, E. P. (2025). Legal Nature and Content of the Individual Right to Biological Safety in the Russian Federation. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 18–27. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-18-27>.

Введение

Сбережение народа, обеспечение защищённости населения и окружающей среды от опасных биологических факторов и биологических угроз является для Российской Федерации одним из приоритетных направлений государственной политики. Достижение отмеченных целей государственной политики обеспечивается путём решения определённых задач, в их числе: развитие системы мониторинга биологических рисков для предупреждения биологических угроз и реагирования на них, а также гарантирование конституционных прав.

В своём обращении к участникам и организаторам V Международной научно-практической конференции «Глобальные угрозы биологической безопасности. Проблемы и решения» в июне 2025 г. Президент России В. В. Путин подчеркнул, что в условиях *нестабильной* обстановки в мире, отсутствия прогресса в достижении целей, зафиксированных в Конвенции о запрещении биологического и токсинного оружия, вопросы обеспечения биологической безопасности приобретают особую остроту¹.

Соответственно, вопросы обеспечения и гарантирования биологической безопасности требуют повышенного внимания со стороны законодателя и научного сообщества. В этой связи рассмотрим формирующееся право на биологическую безопасность, которое имеет выраженный публичный характер, а гарантия его реализации имеет важное значение не только для лиц, осуществляющих профессиональную деятельность в условиях допустимых биологических рисков, но и для каждого человека. Биологически безопасная и благоприятная среда обитания непосредственно связана с существованием всех форм жизни на Земле, включая человека.

Понятие права на биологическую безопасность: нормативное регулирование и доктринальные подходы

До недавнего времени вопросы биологической безопасности рассматривались в большей степени сквозь призму объективного права. Однако не менее важным является вопрос о субъективном праве граждан на биологическую безопасность [1]. В условиях активного развития биотехнологий, существования опасных биологических объектов и потенциальных биологических угроз актуальным является вопрос о его содержании.

В ст. 6 Федерального закона № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской

¹ Путин В. В. Телеграмма участникам и организаторам V Международной научно-практической конференции «Глобальные угрозы биологической безопасности. Проблемы и решения» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/77153> (дата обращения: 20.10.2025).

Федерации»¹ (далее – Федеральный закон № 492-ФЗ) установлены права граждан в области обеспечения биологической безопасности:

- право на охрану здоровья и охрану окружающей среды от опасных биологических факторов;

- право на получение информации о состоянии защищённости населения и окружающей среды от воздействия опасных биологических факторов, а также о принимаемых мерах, направленных на защиту от воздействия опасных биологических факторов, на предотвращение биологических угроз (опасностей);

- право на внесение в органы публичной власти предложений о мерах по обеспечению биологической безопасности.

Таким образом, соединив социально, экологически и политически значимые правомочия, законодатель сформировал основу содержания права на биологическую безопасность.

Безусловно, природа и её компоненты составляют основу биологически безопасного развития человечества, предоставляя ресурсы для удовлетворения необходимых естественных потребностей [2]. Социальный аспект необходим применительно к феномену безопасности, а политический аспект, учитывая коллективную значимость биологической безопасности, позволяет участвовать в управлении делами государства и в общественно-политической жизни по обеспечению биологической безопасности. Однако такая трактовка не затрагивает естественной природы человека, в которой жизнь является основой основ. Представляется, что в содержание рассматриваемого права важно включать и факторы, непосредственно связанные с самим фактом существования человека.

Биоправо регулирует обширную систему правовых отношений. По мнению зарубежных правоведов, занимающихся био-законодательством, эти аспекты влекут за

собой потребность его непрерывного совершенствования² и изменения подходов, основанных на соблюдении прав человека, к профилактике, выявлению и реагированию на биологические риски [3].

Анализируя российскую научную литературу относительно того, что думают учёные по этому вопросу, можно отметить, что изучению права на биологическую безопасность посвящён ряд ценных исследований юристов. Однако многие вопросы природы и содержания этого права до сих пор остаются невыясненными и дискуссионными.

Переходя к характеристике доктринального содержания понятия «право на биологическую безопасность», необходимо отметить, что существуют различные подходы к его определению. И. А. Умнова-Конюхова и И. А. Алешкова предлагают рассматривать право на биологическую безопасность как сложносоставное явление не только по структуре, но и по имеющимся взаимосвязям с иными объектами безопасности, выделяя в его содержании 3 значимых характеристики человека – личностную, анатомическую и физиологическую [4]. В. В. Трофимов и С. Г. Вартамян высказали позицию о том, что «право на биологическую безопасность является комплексным субъективным правом, включающим в себя множество различных аспектов, таких как: право на охрану здоровья, на информацию, на благоприятную окружающую среду и др.» [5].

Так, А. А. Мохов анализирует биобезопасность как комплексный институт, направленный на защиту права на жизнь и здоровье от угроз, связанных с использованием патогенных биологических агентов (например, утечка из лаборатории), применением новых биомедицинских технологий с непредсказуемыми последствиями, а также права на охрану здоровья, которое включает в себя не только лечение,

¹ Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

² Rae G. Critiquing Sovereign Violence: Law, Biopolitics and Bio-Juridicalism [Электронный ресурс]. URL: <https://academic.oup.com/edinburgh-scholarship-online/book/31651?login=false#> (дата обращения: 11.10.2025).

но и профилактику, т. е. систему мероприятий по предупреждению возникновения и распространения заболеваний (ст. 41 Конституции РФ), подчёркивает, что обеспечение биологической безопасности – это одна из главных функций государства в сфере охраны здоровья населения, вытекающая из его конституционных обязанностей [6].

Сторонники позиции, что право на биобезопасность является самостоятельным субъективным правом [7], утверждают, что биобезопасность обладает уникальным содержанием, не сводимым к другим правам. Авторы данной статьи придерживаются этой научной позиции, ибо это субъективное право охватывает новые вызовы (биотерроризм, синтетическая биология, пандемии), не регулируемые традиционными правами, имеет специфические объекты защиты (генетическая целостность, биологическое разнообразие, контроль над патогенами).

Как отмечают Г. Б. Романовский и М. А. Куряева, во-первых, право на биологическую безопасность является производным от права на безопасность, рассматриваемого в современной юридической науке в качестве индивидуального и коллективного права третьего поколения; во-вторых, оно связано с защитой и реализацией трёх фундаментальных характеристик человека (его генотипа, организма и биологических функций) [8]. *Соглашаясь с вышеотмеченной позицией правоведов, полагаем, что важно учитывать и тот момент, что право на биологическую безопасность возникает не только в силу имеющегося юридического факта его установления в законодательстве, оно вытекает непосредственно из права на жизнь.*

Соответственно, определяя содержание права на биологическую безопасность, необходимо исходить из оценивания жизни как биологически безопасной с учётом допустимого биологического риска. Тем самым важно делать акцент именно на качественных характеристиках понятия «биологическая безопасность».

Закреплённое в Федеральном законе № 492-ФЗ определение биологической безопасности ограничивает круг защищаемых субъектов лишь общими категориями – «население» и «окружающая среда». Подобный подход является излишне широким и в то же время узким, поскольку он игнорирует право каждого на биологическую безопасность и не учитывает дифференциации рисков.

Системный анализ положений указанного выше нормативного правового акта обуславливает необходимость конкретизации определения понятия «биологическая безопасность». Его следует дополнить, включив более широкий круг субъектов правовой защиты, а также расширенный и детализированный перечень объектов защиты, биологических факторов и рисков. Об узости содержания Федерального закона № 492-ФЗ свидетельствует выделение только биологических объектов и факторов, не привязанных к кумулятивному эффекту от воздействия смежных и побочных факторов [9]. Граждане, их благополучие, здоровье и безопасность являются главной целью и конечным результатом функционирования всей системы государственных мер, нормативных актов и действий организаций в этой сфере.

Иными словами, все усилия по обеспечению биобезопасности – будь то деятельность надзорных органов, научные исследования, разработка вакцин или действия врачей – в конечном итоге направлены на защиту здоровья граждан, предупреждение биологических угроз, обеспечение безопасной среды обитания каждого отдельного человека и общества в целом, право на защиту от биологических угроз со стороны государства, право на возмещение вреда, причинённого здоровью, имуществу или окружающей среде вследствие нарушения требований биобезопасности другими субъектами. Право на биологическую безопасность необходимо связывать, как представляется, с обеспечением биологического благополучия человека, коллективных субъектов (населения, социаль-

ных групп и общностей) и человечества в целом.

Вопрос биологической безопасности требует определения круга субъектов и, как следствие, наделения их определёнными обязанностями. Признание лица субъектом права на биологическую безопасность порождает у всех других лиц требование не препятствовать его реализации. Как правило, реализация права на биологическую безопасность заключается в установлении непосредственно комплекса правоотношений человека с различными субъектами, которые в силу специфики своей деятельности, участвуют в обеспечении биологической безопасности.

Таким образом, вся система биологической безопасности существует во имя человека как основного субъекта, которому должно быть гарантировано состояние биологической защищённости, при котором каждый может реализовать своё фундаментальное право на жизнь в безопасных условиях

Соглашаясь с учёными, полагающими, что в законодательстве право на биологическую безопасность ограничено по своему объекту и субъектам защиты [9], а также требует детализации следующих компонентов: интерпретации «опасных биологических факторов»; содержания категории «допустимый уровень биологического риска» [10], – считаем необходимым отметить, что вне зависимости от специфики и рода деятельности граждан при формировании содержания права на биологическую безопасность необходимо исходить из принципа гуманизма, уважения человеческого достоинства и многообразия субъектов общественных отношений.

В научной литературе методично развивается подход, согласно которому биоэтическое достоинство определяется как особый принцип призванный защищать человека в контексте современных достижений биологии, медицины и технологий [11].

Особый интерес исследователей в области обеспечения биологической безопасности проявляется к объекту биологической безопасности.

Так, Н. И. Кузнецова отмечает, что «в качестве объекта регулирования биологической безопасности выступают общественные отношения по сохранению и восстановлению нормальной микробиоты человека, сельскохозяйственных животных; по формированию коллекций патогенных микроорганизмов и вирусов; созданию единой сети мониторинга биологических рисков, что подпадает в сферу регулирования отношений в области медицины (здравоохранения), санитарно-эпидемиологического надзора, биологии (микробиологии), вирусологии; по предупреждению и предотвращению аварий и (или) диверсий на потенциально опасных биологических объектах» [12; 13]. Вместе с тем взаимосвязанность с такими видами безопасности, как экологическая, химическая и национальная безопасность делает перечень объектов биологической безопасности в правоотношениях, на наш взгляд, намного шире. Особенно когда затрагиваются возможные риски для человека, вызванные применением биотехнологий.

Это актуализирует необходимость её глубокого концептуального осмысления и выработки универсального междисциплинарного определения, которое интегрирует медицинские, биологические, экологические и правовые аспекты.

Обращая внимание на потребность в формировании единого и легитимного понятия «права на биологическую безопасность», которое отразит его комплексную природу, широкий перечень объектов защиты и многообразие субъектов, полагаем возможным предложить следующее определение: «Право на биологическую безопасность – гарантированная государством мера возможного поведения каждого, которая позволяет ему удовлетворять свои законные интересы в условиях обеспечения допустимого уровня биологического риска. Основной чертой такого поведения является принадлежность этого права общему субъекту (человеку) или специальному (гражданину, сотруднику лаборатории и др.)».

Перспективы развития права на биологическую безопасность в контексте развития новых биотехнологий

Адаптация права на биологическую безопасность к стремительным изменениям, вызванным такими разработками, как генная инженерия, клеточная терапия и искусственный интеллект в биологии, предполагает комплекс мер, охватывающих правовые, социальные и организационные аспекты.

В числе правовых аспектов в связи с непрерывным развитием новых технологий, существованием биотехнологий двойного назначения и др. факторов, возможно предположить, что будут следующие изменения.

Во-первых, последовательное совершенствование системы законодательства. В частности, такие нормативные правовые акты, как Федеральный закон № 492-ФЗ и Федеральный закон № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, будут содержательно интегрированы, чтобы они могли регулировать новые вызовы, связанные с генной терапией, редактированием генома и другими передовыми технологиями. Соответственно, правовая база будет охватывать не только непосредственные риски для здоровья, но и потенциальные угрозы для окружающей среды, включая генетические и экологические риски.

Во-вторых, методичное развитие права на биологическую безопасность. Данная правовая возможность отличается структурной сложностью и включает в себя несколько взаимосвязанных элементов:

– *правомочие собственных действий* – возможность самостоятельного активного поведения;

– *правомочие требования* – возможность требования от обязанных лиц соблюдения определённых обязательств;

– *правомочие притязания* – возможность обращения к мерам государственного принуждения для защиты нарушенного интереса;

– *правомочие пользования* – возможность извлекать пользу из соответствующего социального блага.

В своей совокупности эти компоненты формируют целостное содержание и структуру субъективного права, делая его инструментом удовлетворения законных интересов личности.

В-третьих, комплексное расширение системы прав человека. Вероятнее всего, будет расширен перечень субъективных прав. Появятся такие права, как: право на защиту от всех видов биологических угроз; права на доступ к безопасным и качественным продуктам питания и питьевой воде; право на возмещение вреда, причинённого здоровью или имуществу в результате нарушения требований биологической безопасности; право определённых категорий населения (дети, беременные женщины, лица с хроническими заболеваниями) на особую защиту от биологических угроз.

Соответственно, для формирования полноценного, эффективного и отвечающего современным вызовам комплексного субъективного права на биологическую безопасность требуются его дальнейшая концептуальная и системная разработка и всестороннее закрепление в системе российского законодательства, а также установление и исследование соотношения его с другими правами человека.

В числе социальных аспектов изменения в области обеспечения биологической безопасности, возможно, будет затронута социальная ответственность. Ей будет уделяться не меньше внимания, чем юридической.

По вопросу организационных аспектов развития права на биологическую безопасность представляется, что они будут ориентированы на создание системы государственных органов, ответственных за его гарантирование и защиту, а также на налаживание межведомственного и международного взаимодействия. В рамках орга-

¹ Федеральный закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

низационного развития правовой системы необходимо обеспечить, чтобы законодательство было современным и учитывало все риски, связанные с биологическими угрозами, а его модель имела максимально конкретный и прикладной характер [14].

Справедливо отмечено в правовой науке высказывание о том, что субъективное право на биологическую безопасность обладает сложным содержанием, включающим общие и специальные элементы, которые базируются на фундаментальных принципах, что обуславливает потребность в развитии и конкретизации системы принципов биоправа, в которой как самостоятельный блок следует выделять принципы биологической безопасности, исходя из которых и развивать объективное и субъективное право на биологическую безопасность.

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать ряд выводов, имеющих теоретическое и практическое значение для развития доктрины и законодательства в сфере биологической безопасности.

Действующее нормативное определение биологической безопасности, закреплённое в Федеральном законе № 492-ФЗ, является недостаточно релевантным в контексте современных вызовов. Основным недостатком действующей дефиниции заключается в сужении круга охраняемых субъектов до абстрактных коллективных образований – «населения» и «окружаю-

щей среды». Подобный подход оставляет без внимания особую уязвимость отдельных категорий граждан перед лицом биологических угроз.

Субъективное право на биологическую безопасность является комплексным правом, имеющим юридическое оформление в институте права на биобезопасность, что порождает вопрос о соотношении права на биологическую безопасность с правовым образованием права биобезопасности, которые соотносятся как общее и часть, где право биобезопасности включает в себя институт права на биобезопасность. Субъективное право на биологическую безопасность включает в себя группу прав, которая не может быть одним правом. Оно является производным от фундаментальных конституционных прав (права на жизнь, права на охрану здоровья, права на личную неприкосновенность, права на благоприятную окружающую среду), важным элементом системы прав человека в современную эпоху.

Легитимация комплексного субъективного права на биологическую безопасность представляется важной и необходимой. Это позволит трансформировать современную парадигму, в которой человек выступает преимущественно объектом защиты, где гражданин является активным правосубъектным участником системы биобезопасности, что в конечном итоге повысит эффективность противодействия биологическим угрозам на национальном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Право на биологическую безопасность в системе прав человека // Государство и право. 2024. № 11. С. 91–102. DOI: 10.31249/biopravo/24
2. Редникова Т. В. Право каждого на благоприятную окружающую среду в Российской Федерации: актуальные проблемы обеспечения // Экологическое право. 2024. № 5. С. 18–22. DOI: 10.18572/1812-3775-2025-2-29-33
3. Heri C. Deference, Dignity and 'Theoretical Crisis: Justifying ECtHR Rights Between Prudence and Protection' // Human Rights Law Review. 2024. Iss. 24. P. 1–19. DOI: 10.1093/hrlr/ngad032
4. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Право на биологическую безопасность: формирование понятия и перспективы законодательного регулирования // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2023. № 16. С. 6–24. DOI: 10.31249/kgf/2023.05.01
5. Трофимов В. В., Вартанян С. Г. Субъективное право граждан на биологическую безопасность: особенности правового регулирования и реализации // Социальные и гуманитарные науки.

- Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2024. № 2. С. 84–97. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.07
6. Правовое регулирование биомедицины в России: теоретические и практические проблемы / Биомедицинское право в России и за рубежом / Г. Б. Романовский, Н. Н. Тарусина, А. А. Мохов [и др.]. М.: Проспект, 2015. 368 с.
 7. Петров В. В. Биоправо: новые вызовы и современные решения. М.: Проспект, 2021. 256 с.
 8. Романовский Г. Б., Куряева М. А. О понятии права на биологическую безопасность // Вестник Академии права и управления. 2025. № 3. С. 94–97. DOI: 10.47629/2074-9201_2025_3_94_97
 9. Право на биологическую безопасность в Российской Федерации / И. А. Умнова-Конюхова, И. А. Аleshkova, А. О. Филатова, Н. Е. Сапельченко. М., 2024. 230 с.
 10. Умнова-Конюхова И. А. Право биобезопасности, биоправо и биюриспруденция: соотношение понятий и их содержания // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 12. С. 20–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-12-20-26
 11. Кравец И. А. Биоэтическое достоинство как предмет международной биюриспруденции и глобальной биоэтики (достижения, перспективы, риски) // Государственная власть и местное самоуправление. 2025. № 11. С. 3–10. DOI : 10.18572/1813-1247-2025-11-3-10
 12. Кузнецова Н. И. Биологическая безопасность: теоретические и правовые аспекты // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 3. С. 65–73. DOI: 10.25724/VAMVD.VNOP
 13. Орехов С. Н., Яворский А. Н. Биологические угрозы и биологическая безопасность // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2020. № 5. С. 60–73. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.69.5.060-073
 14. Агафонов В. Б., Жаворонкова Н. Г. Теоретико-правовые проблемы обеспечения биологической безопасности Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 4. С. 187–194. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.187-194

REFERENCES

1. Umnova-Konyukhova, I. A. & Aleshkova, I. A. (2024). The Right to Biological Security in the Human Rights System. In: *State and Law*, 11, 91–102. DOI: 10.31249/biopravo/24 (in Russ.).
2. Rednikova, T. V. (2024). Everyone's Right of Everyone to a Favorable Environment in the Russian Federation: Current Problems of Security. In: *Environmental Law*, 5, 18–22. DOI: 10.18572/1812-3775-2025-2-29-33 (in Russ.).
3. Heri, C. (2024). Deference, Dignity and 'Theoretical Crisis: Justifying ECtHR Rights Between Prudence and Protection. In: *Human Rights Law Review*, 24, 1–19. DOI: 10.1093/hrlr/ngad032.
4. Umnova-Konyukhova, I. A. & Aleshkova, I. A. (2023). The Right to Biological Safety: The Formation of Concepts and Prospects for Legislative Regulation. In: *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 16, 6–24. DOI: 10.31249/kgf/2023.05.01 (in Russ.).
5. Trofimov, V. V. & Vartanyan, S. G. (2024). The Individual Right of Citizens to Biological Safety: Features of Legal Regulation and Implementation. In: *Social and Humanitarian Sciences: Domestic and Foreign Literature. Series 4: State and Law*, 2, 84–97. DOI: 10.31249/iajpravo/2024.02.07 (in Russ.).
6. Romanovsky, G. B., Tarusina, N. N., Mokhov, A. A., et al. (2015). *Legal Regulation of Biomedicine in Russia: Theoretical and Practical Issues / Biomedical Law in Russia and Abroad*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
7. Petrov, V. V. (2021). *Bio-Right: New Challenges and Modern Solutions*. Moscow: Prospect publ. (in Russ.).
8. Romanovsky, G. B. & Kuryaeva, M. A. (2025). On the Concept of the Right to Biological Safety. In: *Bulletin of the Academy of Law and Management*, 3, 94–97. DOI: 10.47629/2074-9201_2025_3_94_97 (in Russ.).
9. Umnova-Konyukhova, I. A., Aleshkov, I. A., Filatova, A. O. & Sapelchenko, N. E. (2024). *The Right to Biological Safety in the Russian Federation*. Moscow (in Russ.).
10. Umnova-Konyukhova, I. A. (2023). Biosafety Law, Biological Law, and Biological Law: Correlation of Concepts and their Content. In: *Constitutional and Municipal Law*, 12, 20–26. DOI: 10.18572/1812-3767-2023-12-20-26 (in Russ.).
11. Kravets, I. A. (2025). Bioethical Dignity as a Subject of International Bioenergy and Global Bioethics (Achievements, Prospects, Risks). In: *State Power and Local Self-government*, 11, 3–10. DOI: 10.18572/1813-1247-2025-11-3-10 (in Russ.).
12. Kuznetsova, N. I. (2021). Biological Safety: Theoretical and Legal Aspects. In: *Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia*, 3, 65–73. DOI: 10.25724/VAMVD.VNOP (in Russ.).
13. Orekhov, S. N. & Yavorsky, A. N. (2020). Biological Threats and Biological Safety. In: *Courier of Kutafin*

Moscow State Law University, 5, 60–73. DOI: 10.17803/2311-5998.2020.69.5.060-073 (in Russ.).

14. Agafonov, V. B. & Zhavoronkova, N. G. (2020). Theoretical and Legal Problems of Ensuring Biological Safety of the Russian Federation. In: *Actual Problems of Russian Law*, 15 (4), 187–194. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.113.4.187-194 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Брюхина Евгения Рафиковна (г. Пермь) – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и юридической практики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (филиал Пермь);

e-mail: erbruhina@hse.ru; ORCID: 0000-0003-1229-5865

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yevgenia R. Bryuhina (Perm) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Legal Theory and Legal Practice, Higher School of Economics (Perm branch);

e-mail: erbruhina@hse.ru; ORCID: 0000-0003-1229-5865

Научная статья

УДК 34.096

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-2-28-38

ПРАВОВЫЕ МОДЕЛИ РЕГУЛИРОВАНИЯ КЛОНИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕКА: ОТ ПОЛНОГО ЗАПРЕТА К ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОМУ ПОДХОДУ

Третьякова Е. С.^{1*}, Атаманюк Я. Д.²

¹Высшая школа экономики, Пермский филиал, г. Пермь, Российская Федерация

²Пермский государственный медицинский университет имени академика Е. А. Вагнера,
г. Пермь, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: etretyakova@hse.ru

Поступила в редакцию 28.08.2025

После доработки 12.09.2025

Принята к публикации 24.09.2025

Аннотация

Цель. Анализ и систематизация правовых моделей регулирования клонирования человека на международном и национальном уровнях, выявление ключевых правовых и биоэтических коллизий, а также обоснование необходимости перехода от запретительных подходов к формированию комплексного регуляторного механизма.

Процедура и методы. В работе проведён сравнительно-правовой анализ международных документов и национального законодательства некоторых государств. Использованы методы систематизации, юридической интерпретации и *case-study*. Применён также нормативно-догматический подход для оценки пробелов и противоречий в правовом регулировании.

Результаты. В результате исследования выявлены основные модели регулирования клонирования. Установлено, что международные стандарты носят декларативный и фрагментарный характер, а национальные правовые порядки демонстрируют значительную дивергенцию. На примере России показаны правовые пробелы и внутренние противоречия в запретительном регулировании.

Теоретическая и/или практическая значимость. Работа вносит вклад в развитие биоэтики и теорию регулятивного управления в сфере биотехнологий. Результаты могут быть использованы для совершенствования законодательства, разработки международных конвенций и гармонизированных стандартов. Практическая значимость заключается в предложении конкретных мер по формированию регуляторного режима, включая уголовно-правовые санкции, процедуры контроля и предварительное определение правового статуса клона, что способствует трансформации клонирования из источника угроз в управляемый инструмент науки и медицины.

Ключевые слова: клонирование человека, модели правового регулирования, биоэтика, репродуктивное клонирование, терапевтическое клонирование, запрет клонирования

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта «Зеркальные лаборатории» совместно НИУ ВШЭ-Пермь, ТюмГУ на тему: «Актуальные аспекты прав человека в контексте биоэтики».

Для цитирования:

Третьякова Е. С., Атаманюк Я. Д. Правовые модели регулирования клонирования человека: от полного запрета к дифференцированному подходу // Московский юридический журнал. 2025. № 2. С. 28–38. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-28-38>.

Original research article

LEGAL MODELS REGULATING HUMAN CLONING: FROM PROHIBITION TO A DIFFERENTIATED APPROACH

E. Tretyakova¹, Ia. Atamaniuk²

¹HSE University, Perm Branch, Perm, Russian Federation

²Perm State Medical University named after Academician E. A. Wagner, Perm, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: etretyakova@hse.ru

Received by the editorial office 28.08.2025

Revised by the author 12.09.2025

Accepted for publication 24.09.2025

Abstract

Aim. To analyze and systematize legal models regulating human cloning at the international and national levels, to identify key legal and bioethical conflicts, and to justify the need to convert from prohibitive approaches to the formation of an integrated regulatory mechanism.

Methodology. The paper provides a comparative legal analysis of international documents and national legislation of some states. The methods of systematization, legal interpretation and case-study are used. A normative and dogmatic approach has also been applied to assess gaps and contradictions in legal regulation.

Results. Three main models of cloning regulation have been identified. It is established that international standards are declarative and fragmented, and national legal systems demonstrate significant divergence. On example of Russia the legal gaps and internal contradictions in prohibitive regulation are shown. The conclusion is formulated about the systemic unpreparedness of the world community for an adequate legal response to the challenges of biotechnology.

Research implications. The work contributes to the development of bio-laws and the theory of regulatory management in the field of bioethics. The results can be used to improve legislation, develop international conventions, and harmonized standards. The practical significance lies in the proposal of specific measures to form a regulatory regime, including criminal sanctions, control procedures and preliminary determination of the legal status of the clone, which contributes to the transformation of cloning from a source of threats into a controlled tool of science and medicine.

Keywords: human cloning, models of legal regulation, bio-law, reproductive cloning, therapeutic cloning, prohibition of cloning

Acknowledgements. The article was conducted within the framework of the Mirror Laboratories project supported by the HSE-Perm and Tyumen State University on the topic: "Current aspects of human rights in the context of bioethics."

For citation:

Tretyakova, E. S., & Atamaniuk, Ia. D. (2025). Legal Models Regulating Human Cloning: From Prohibition to a Differentiated Approach. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 28–38. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-28-38>.

Введение

Феномен клонирования человека, перейдя из области научной фантастики в плоскость технологической и биомедицинской реальности, породил один из наиболее сложных и дискуссионных ком-

плексов правовых, этических и социальных вопросов современности. Открытие метода соматического клеточного ядерного переноса, результатом которого стало появление овцы Долли в 1996 г., не только продемонстрировало принципиальную возможность клонирования млекопитающих, но и со всей остротой поставило про-

блему применимости данной технологии к человеку. Вопросы, связанные с клонированием, затрагивают фундаментальные основы человеческого достоинства, идентичности, права на генетическую уникальность, а также баланс между свободой научного исследования и необходимостью защиты общественных интересов.

Современные государства предпринимают попытки юридического оформления вопросов, связанных с клонированием человека в рамках формирующегося био-права, однако в условиях глобализации научного прогресса и трансграничного характера биотехнологических исследований правовое регулирование клонирования не может быть эффективно обеспечено исключительно в рамках национальных юрисдикций. Это обусловило формирование системы международных стандартов, выраженных в универсальных и региональных договорах, декларациях и резолюциях отдельных международных организаций, которые задают общие этические-правовые ориентиры для государств. При этом степень имплементации этих стандартов, а также выбор конкретной модели регулирования (от полного запрета до дифференцированного подхода) остаются прерогативой национального законодателя и, соответственно, права. Это приводит к существованию различных национальных подходов – от жёстких запретов всех форм клонирования человека до разрешения исследовательского (терапевтического) клонирования при строгом регулировании.

Международные стандарты регулирования вопросов клонирования

Термин «клонирование» используется учёными для описания процесса бесполого размножения, посредством которого создаётся идентичная репликация или дубликатная копия (клон) уже существующего родительского организма, такого как клетка, молекула, растение, животное или человек [1, р. 103].

В научной литературе и биоэтических дебатах аргументируется, что технология

клонирования потенциально обладает значительным позитивным потенциалом: в сфере трансплантологии результаты клонирования могут выступать в качестве источника органов и тканей, в репродуктивной медицине – как средство преодоления бесплодия, в биомедицинских исследованиях – как инструмент изучения наследственных заболеваний и поиска способов их лечения [2, с. 227].

Развитие данной технологии имеет длительную практикоориентированную историю: начиная с экспериментов учёных Вашингтонского университета в 1987 г. по клонированию клеток человеческого эмбриона на ранних стадиях развития и заканчивая первым успешным воспроизведением млекопитающего в 1996 г. После того как обществу стало известно об успешном клонировании овцы, учёный из Чикаго Р. Сид заявил, что планирует в скором времени клонировать человека [3, с. 53].

Несмотря на относительно успешные результаты реализации технологии с точки зрения медицинских исследований, учёные, в т. ч. юристы, задумались о потенциальных рисках и опасностях в случае развития подобной технологии и её применения к людям. История о клонировании млекопитающего вызвала много протестов со стороны международного сообщества против клонирования. В связи с чем в 1997 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) официально высказалась против репродуктивного клонирования человека.

В 1997 г. на международном уровне была принята Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 г., которая в ст. 11 прямо запрещает клонирование в целях воспроизводства¹. Декларация устанавливает приоритет уважения прав человека, основных свобод и человеческого достоинства отдельных лиц

¹ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/human_genome.shtml (дата обращения: 04.08.2025).

над научными и поисковыми приложениями. Несмотря на то, что Декларация не имеет обязательной силы, она направлена на продвижение всемирного запрета на клонирование.

Следующим шагом в международно-правовом регулировании запрета на клонирование стала Резолюция Всемирной медицинской ассоциации о клонировании 1997 г., призывающая врачей и других учёных-исследователей применять ограничения при клонировании в целях воспроизводства до тех пор, пока не будут решены все этические и юридические проблемы и не будут гарантированы все необходимые меры контроля¹. Важно отметить, что данная конвенция была отменена в 2005 г., однако внесла свой вклад в развитие международно-правового регулирования клонирования.

В 1998 г. был принят Дополнительный протокол к Конвенции о защите прав человека и достоинства человеческой личности в связи с применением достижений биологии и медицины (Овьедо, 1997), закрепивший прямой запрет на клонирование человека. Важно учитывать, что в Конвенции Овьедо есть ряд неточностей. Прежде всего, данный документ не проводит различия между репродуктивным клонированием и терапевтическим клонированием. Кроме того, Дополнительный протокол не подписан всеми европейскими государствами, только 19 стран участвуют в нем. Вследствие чего можно сделать вывод, что из перечисленных документов лишь Конвенция и Дополнительный протокол к ней призваны иметь обязательное значение, однако многие государства к ним до сих пор не присоединились [4, с. 17].

Дальнейшее развитие международно-правового регулирования клонирования произошло вследствие разработки Генеральной Ассамблеей ООН международной конвенции против клонирования в целях воспроизводства в 2005 г. В данной

резолюции Генеральная Ассамблея ООН подтвердила необходимость поддержания глобального запрета на данную практику, подчеркнув потенциальные угрозы для человеческого достоинства и правовую неопределённость последствий применения². Дополнительно в пояснительном докладе к Протоколу о клонировании прямо подчёркивается, что запрет на клонирование человека входит в сферу действия протокола.

Международные запреты на клонирование во многом обусловлены не самим фактом существования технологии, а совокупностью нерешённых проблем, вследствие чего мировое сообщество крайне радикально реагирует на потенциальное разрешение и развитие технологии.

Клонирование как технология предполагает достаточное количество морально-этических и юридических нюансов, которые по отдельности проявляются в рамках отдельных репродуктивных технологий, и порождает ранее не существовавшие вопросы относительно судьбы лишних эмбрионов, правового положения половых клеток, биологической эксплуатации женщин при участии в эксперименте по клонированию, момента возникновения права на жизнь, свобода в осуществлении искусственного оплодотворения. Важно также ответить на ряд следующих вопросов: будет ли клон являться субъектом права или это собственность «прародителя»? Будет ли клон обладать правом на жизнь? Возможно ли использование клона в качестве набора органов – так называемых «запасных частей»? Возможно ли изготовление клонов в промышленных масштабах для использования в различных вредных и опасных производствах? Это неполный перечень спорных вопросов, ответ на которые должен быть разработан не только учеными-врачами, но и юристами. Таким образом, вопрос заключается не в «деструктивной сущности» технологии, а

¹ Резолюция Всемирной медицинской ассоциации о клонировании 1997 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wma.net/policies-post/wma-resolution-on-cloning> (дата обращения: 06.04.2025).

² Декларация Организации Объединённых Наций о клонировании человека 2005 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/A-RES-59-280> (дата обращения: 06.04.2025).

в уровне институциональной, правовой и социальной готовности к её контролирующему применению [5, с. 468].

На практике уже существуют кейсы, непосредственно связанные с клонированием, например, дело *Brüstle v. Greenpeace*, рассмотренное Судом Европейского Союза, ключевым вопросом которого стало определение правового статуса эмбриона и допустимости патентования технологий, связанных с использованием эмбриональных стволовых клеток. Суд подчеркнул необходимость учитывать не только научные критерии, но и принципы защиты человеческого достоинства. Решением суда было подтверждено, что даже косвенное вовлечение эмбрионов в биомедицинские исследования требует особого нормативного режима¹.

Таким образом, дискуссия о клонировании выходит далеко за рамки теории и имеет прикладное значение: от вопросов интеллектуальной собственности до соотношения индивидуальных свобод и общественных интересов, клонирование становится индикатором того, насколько существующие правовые системы способны адаптироваться к вызовам биотехнологической эпохи, сохраняя при этом фундаментальные ценности прав человека.

Национальные подходы к правовому регулированию вопросов клонирования

Несмотря на тот факт, что международные стандарты направлены на запрещение клонирования, они могут служить лишь ориентирами для определения национальных подходов к регулированию соответствующих вопросов, ведь с точки зрения реализации технологий – она и её последствия, включая соответствующие риски, будут иметь место в рамках отдельных юрисдикций.

Потенциально могут быть предложены 3 модели (подхода) в рамках решения соответствующих вопросов:

1) модель полного запрета всех форм клонирования человека;

2) модель дифференцированного подхода, разрешающая терапевтическое клонирование при безусловном запрете репродуктивного;

3) модель «регулируемого репродуктивного клонирования».

В настоящее время многие государства идут по пути запрещения клонирования. Так, например, любое клонирование законодательно запрещено как минимум в 31 государстве (в Греции, Германии, Австралии) [6, с. 179].

Весьма популярна на практике модель дифференцированного подхода, разрешающая терапевтическое клонирование при безусловном запрете репродуктивного. В 15 государствах разрешено лишь терапевтическое клонирование, в т. ч. в Израиле, Великобритании, Франции, Японии. Важно отметить, что некоторые страны разработали законодательную базу по вопросам клонирования и приняли необходимые законы. Так, например, в Великобритании действует Закон об оплодотворении человека и эмбриологии 1990 г., устанавливающий нормы права, регулирующие исследования человеческих эмбрионов [7, р. 41]. Положения закона определяют, что целью процедуры клонирования эмбрионов является необходимость расширить существующую информацию о стадиях эмбрионального развития и использовать эти знания для создания методов лечения опасных для жизни заболеваний. В иных государствах (Венгрия, Польша) запрещено получение эмбриональных стволовых клеток, но при этом допускается терапевтическое клонирование или исследование над ними, т. к. законодательство указанных государств по вопросам клонирования было разработано до того, как впервые были получены подобные эмбриональные клетки².

¹ Case C-34/10 *Brüstle v. Greenpeace eV*. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 18 October 2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://curia.europa.eu/juris/liste.jsf?language=en&num=C-34/10> (дата обращения: 04.04.2025).

² Копии вне закона: юридический запрет на клонирование в России и мире [Электронный ресурс].

Репродуктивное клонирование на сегодняшний день не разрешено ни в одном государстве, и данную модель можно рассматривать исключительно как теоретическую.

Важно отметить, что для разрешения реализации клонирования ситуация, требующая его применения, должна отвечать некоторым критериям, первый из которых – это научная приемлемость процедуры, что, в свою очередь, требует, чтобы соответствующее лицо подвергалось только соразмерному соотношению между риском и выгодой. Существует очевидная трудность в применении этого принципа к эксперименту по репродуктивному клонированию человека: жизнь и здоровье человека, участвующего в соответствующем эксперименте, должны быть защищены. Это соответствует старому принципу *primum nil nocere* – принципу отсутствия вредности, который интерпретируется таким образом, что определённая степень риска является допустимой. Однако клонирование становится недопустимым, когда риск становится неоправданным, поскольку заинтересованное лицо подвергается угрозе серьёзного увечья.

Постепенно начала формироваться и судебная практика на уровне национальных юрисдикций. Интерес представляет дело *Raël v. Ashcroft* (США), инициированное движением разлитов в 2012 г., добивавшихся признания права на репродуктивное клонирование. Указанный спор продемонстрировал конфликт между религиозными убеждениями и государственной политикой и указал на необходимость выработки критериев допустимости апелляции к «свободе вероисповедания» в контексте технологий, способных поставить под угрозу базовые права человека¹.

Важно отметить, что это не первый раз, когда движение разлитов пыталось распространить идею клонирования людей.

В декабре 2002 г. они заявили, что девочка по имени Ева родилась из яйцеклетки, оплодотворённой клеткой кожи её матери, следовательно, является её клоном. Однако ни одного теста на ДНК проведено не было, следовательно, утверждать, что девочка была реальным клоном матери, невозможно [8, с. 101].

Что касается правовой системы Российской Федерации, то в нашем государстве запрещено клонирование, принят и действует Федеральный закон «О временном запрете на клонирование человека» № 54-ФЗ, который устанавливает, что проведение биомедицинского исследования допускается в учреждениях государственной или муниципальной системы здравоохранения и должно основываться на предварительном проведённом лабораторном эксперименте. Любое биомедицинское исследование с привлечением человека в качестве объекта может проводиться только после получения письменного согласия гражданина (ст. 68 «Использование тела, органов и тканей умершего человека»)². Гражданин не может быть принужден к участию в биомедицинском исследовании. При получении согласия на биомедицинское исследование должна быть предоставлена информация о целях, методах, побочных эффектах, возможном риске, продолжительности и ожидаемых результатах исследования.

Изначально закон № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» был введён на 5 лет, по истечении которых образовался правовой вакуум на 3 года, когда данная процедура никак не регулировалась. Однако в 2010 г. был принят Федеральный закон № 30-ФЗ, который установил бессрочный запрет на осуществление клонирования: «Ввести временный запрет на клонирование человека впредь до дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок использования технологий клонирования организмов в целях клонирования человека.

URL: <https://clck.ru/3Qzhmd> (дата обращения: 05.11.2025).

¹ Case of *Mouvement Raëlien Suisse v. Switzerland*: judgment of 13 July 2012 // Европейский суд по правам человека (ECHR). Application no. 16354/06.

² Федеральный закон от 20.05.2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // СПС Консультант Плюс.

Действие настоящего Федерального закона не распространяется на клонирование организмов в иных целях»¹.

Несмотря на то, что на процедуру установлен бессрочный запрет, нет охранительных норм, направленных на обеспечение соответствующего запрета от нарушений, ни Уголовный кодекс РФ, ни Кодекс об административных правонарушениях РФ не установили меры ответственности за возможные действия, направленные на нарушение установленного запрета. Возможно, законодателю стоит обратить внимание на это и внести соответствующие дополнения.

Немаловажно отметить, что именно российское законодательство, в отличие от международного права, даёт нам определение термина «клонирование человека» в ст. 2 Федерального закона № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека»: «клонирование человека – создание человека, генетически идентичного другому живому или умершему человеку, путем переноса в лишенную ядра женскую половую клетку ядра соматической клетки человека»². Т. е. клонирование человека – это создание человека, одинакового (тождественного) другому живому или мертвому человеку.

Однако в данном нормативном правовом акте есть некоторые неточности:

1) в России клонированием названо только создание человека, подобную процедуру называют репродуктивным клонированием. Только такое клонирование и запрещено. Однако это означает, что терапевтическое клонирование разрешено, т. е., как минимум, прямо не запрещено законом;

2) редактирование генома человека в принципе не запрещено, и потому допустимы не только исследования возможности лечения таких наследственных бо-

лезней, как гемофилия, но и возможности «улучшения» человеческого генома;

3) отсутствует запрет на межвидовой перенос ядер, направленный, например, на выращивание животных с человеческими органами для последующей трансплантации³.

Путь российской юриспруденции по правовому регулированию клонирования человека может развиваться тремя вариантами. Во-первых, принятие отдельного федерального закона, посвящённого клонированию, в котором были бы закреплены процедуры создания клона, определение его гражданско-правового статуса и другие необходимые правовые положения. Во-вторых, внесение изменений в Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в РФ» с целью определения клонирования как одного из способов искусственной репродукции человека с необходимыми правовыми положениями и требованиями. В-третьих, законодательство может пойти по пути комплексного изменения, выраженного во внесении новелл, относящихся к теме репродуктивного клонирования человека, во все нормативные акты, так или иначе касающиеся правового регулирования данного вопроса, и этот путь нам видится наиболее предпочтительным [6, с. 180]. На наш взгляд, третий способ является самым трудоёмким и долгим, однако наиболее подходящим и эффективным, в т. ч. для потенциально возможного юридического оформления процедуры клонирования, запрета на торговлю, признания прав и свобод клона и других вопросов.

Таким образом, на сегодняшний день мы не имеем должного инструментария, чтобы оценить, какой из подходов может оказаться более эффективным. Международное сообщество формально запрещает клонирование, национальные правовые порядки вводят разной степени жёсткости запреты, но при этом никто не

¹ Федеральный закон от 29.03.2010 № 30-ФЗ «О внесении изменения в статью 1 Федерального закона "О временном запрете на клонирование человека"» // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 20.05.2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» // СПС Консультант Плюс.

³ Копии вне закона: юридический запрет на клонирование в России и мире [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3QzhpC> (дата обращения: 05.04.2025).

даёт ответа, как быть с перспективами развития.

Ключевая коллизия проявляется в том, что современное международное право и национальные правовые системы устанавливают запрет на клонирование человека, однако вместе с тем данный запрет следует рассматривать не как окончательный отказ от применения технологии клонирования, а, скорее, как пример системной неготовности правопорядков и общества к выработке качественного нормативного правового регулирования в данной сфере. Иными словами, опасения обусловлены отсутствием должного нормативного, медицинского и этического правового инструментария, который позволил бы минимизировать риски и превратить клонирование в управляемый процесс. Следовательно, перед юридической наукой и международным правом стоят задачи не только фиксировать ограничения, но и формировать концептуальную и правовую основу, способную в перспективе трансформировать запрет в регулируемую возможность.

Кроме того, на сегодняшний день имеется и другая существенная проблема: многие страны технологически не готовы к реализации данной медицинской процедуры в силу неактуальности проблематики, в связи с чем в таких государствах, как правило, отсутствует какой-либо запрет на клонирование. Однако данный подход влечёт закономерные риски создания угрозы использования этих стран в качестве опытной либо промышленной площадки репродуктивного клонирования человека, запрещённого или ограниченного в других государствах, имеющих соответствующее запретительное правовое регулирование.

В то же время в рамках международного права формируется сразу несколько вызовов в сфере регулирования клонирования человека. В первую очередь, это необходимость признания и установления ответственности за попытки реализации клонирования человека. Подобное положение крайне важно закрепить на уровне международного права, поскольку лаборатории, которые могут провести подобные испытания, в случае на-

хождения в стране, где запрещено клонирование, могут переместиться в страну с более либеральным законодательством.

Важно также направить усилия на разработку концептуального понимания правосубъектности клона в случае его появления на свет. В международных документах при трактовке клона человека используются словосочетания «человеческая особь» и «человеческое существо». Только Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины 1997 г. представляет понимание, которое не позволяет осуществить двойное толкование. Клон понимается именно как «человеческое существо», однако отсутствует чёткая установка, является ли он генетически идентичным иному умершему или живому человеческому существу? Стоит отметить, что именно для Конвенции данный вопрос не имеет существенного значения – клон определяется как равнозначный человеку по своей правовой ценности.

Кроме того, проблемой в рамках правового регулирования клонирования человека является то, что оно может затрагивать основные права человека, включая право на неприкосновенность частной жизни, право на семейную жизнь и запрет унижающего достоинства обращения. Международное право в области прав человека обеспечивает основу для решения этих проблем, но применение этих принципов к практике клонирования остаётся сложным и спорным [9, с. 71].

Следующая проблема – необходимость определить и закрепить положения о связи репродуктивных прав и клонирования, поскольку на данный момент в рамках технологии клонирования присутствует как терапевтическое, так и репродуктивное клонирование, представляющее гораздо больший интерес для научного сообщества. Однако в данном случае важно рассматривать такие аспекты репродуктивных прав, как доступ к вспомогательным репродуктивным технологиям, информированное согласие и репродуктивная автономия. Обеспечение свободы людей делать осознанный выбор в отношении

клонирования при одновременной защите от принуждения и эксплуатации является серьёзной проблемой.

Таким образом, возникает вопрос о признании клонирования как теоретически реальной технологии или же о её полном и окончательном запрете. Международные правовые рамки стремятся сбалансировать права человека и свободу научных исследований с необходимостью учёта потенциальных рисков и моральных соображений, связанных с клонированием. По мере дальнейшего научного прогресса крайне важно, чтобы международное право развивалось для решения этих сложностей, обеспечивая соблюдение как прав человека, так и этических стандартов.

Заключение

Проведённый анализ правового регулирования клонирования человека на международном и национальном уровнях позволяет сформулировать ряд выводов, характеризующих современное состояние и перспективы развития данной области биоправа.

В международно-правовом поле сформировался ограниченный и декларативный консенсус. Ключевым достижением стало признание недопустимости репродуктивного клонирования человека, зафиксированное во Всеобщей декларации ЮНЕСКО о геноме человека (1997) и, что более существенно, в юридически обязательном Дополнительном протоколе к Конвенции Овьедо (1998). Однако отсутствие универсальной конвенции под эгидой ООН и расплывчатые формулировки резолюций свидетельствуют о глубоких этических и политических разногласиях в мировом сообществе. Международные стандарты выполняют роль важных этико-правовых ориентиров, но оставляют государствам широкую свободу в выборе конкретной регуляторной модели, не обеспечивая реальной гармонизации.

На национальном уровне чётко обозначилась дивергенция правовых подходов, которую можно систематизировать в 3 основные модели. Модель абсолютного

запрета основана на охранительной парадигме, приоритете защиты достоинства человеческой жизни с момента зачатия, но зачастую страдает от внутренних противоречий и правовых пробелов, как это показано на примере российского Федерального закона № 54-ФЗ. Дифференцированная модель представляет собой наиболее сбалансированный и перспективный подход, строго разделяя запрещённое репродуктивное и разрешённое под жёстким контролем терапевтическое клонирование. Модель «регулируемого репродуктивного клонирования» в настоящее время не представлена на практике, но с развитием технологий потенциально может возникнуть и быть реализована.

Судебная практика наряду с доктринальными разработками выступает в качестве важного механизма, выявляющего и конкретизирующего ключевые коллизии, такие как правовой статус эмбриона, границы свободы научных исследований, конфликт между индивидуальными убеждениями и публичным интересом. Эти прецеденты подтверждают, что в условиях быстрого технологического развития именно суды зачастую становятся первыми арбитрами, заполняющими законодательные лакуны.

В итоге нынешний правовой режим, основанный преимущественно на запретах, следует трактовать не как окончательный ответ, а как симптом системной неготовности мирового сообщества и национальных правовых порядков к комплексному регулированию прорывных биотехнологий. Доминирующая сегодня логика «страхования рисков» через мораторий неизбежно будет подвергаться давлению со стороны научного прогресса и потенциальных медицинских потребностей [10, р. 1].

Следовательно, стратегической задачей для юридической науки и правотворчества является эволюция от простого запрета к созданию регуляторного режима. Такой режим должен включать: 1) чёткую международную конвенцию, криминализирующую репродуктивное клонирование; 2) гармонизированные наднациональные

стандарты для исследовательского (терапевтического) клонирования, исключая создание правовых пробелов; 3) на национальном уровне – детальное законодательное регулирование, предусматривающее не только запреты, но и прозрачные процедуры, механизмы контроля, уголовно-правовые санкции за нарушения, а

также предварительное решение вопросов правосубъектности и прав будущих поколений. Только такой путь позволит трансформировать клонирование из источника глобальных угроз в потенциально управляемый инструмент науки и медицины, подчинённый верховенству права и защите достоинства человеческой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ethical issues of human cloning / Nasrullah, R. K. Iqbal, S. Bibi, S. Muneer // *Journal of Medical Sciences*. 2020. № 40. P. 103–106. DOI: 10.4103/jmedsci.jmedsci_69_19
2. Гурyleва М. Э., Хаматова Г. М. Этико-правовые проблемы клонирования человека // *Казанский медицинский журнал*. 2019. № 6. С. 992–1000. DOI: 10.17816/KMJ2019-992
3. Жижин Н. А. К вопросу о правовом регулировании клонирования: международный опыт // *Правовой альманах*. 2021. № 6. С. 52–57.
4. Романовский Г. Б., Романовская О. В. Права человека и современная биомедицина: проблемы и перспективы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2021. Т. 25. № 1. С. 14–31. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-14-31
5. Гаджимагомедова Ш. С., Абдурагимова М. А., Махмудова А. М. Правовые аспекты клонирования человека // *Право и управление*. 2023. № 11. С. 467–470. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-11-467-470
6. Рябков А. А., Рябков А. А. Перспективы правового регулирования репродуктивного клонирования человека // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2019. № 5-4. P. 178–182.
7. Sulaimán W. N., Susila M. E. Legal Scope of Human Cloning: Comparative Analysis Between the United Kingdom and France // *Yuridika*. 2023. Vol. 38. P. 37–50. DOI: 10.20473/ydk.v38i1.38773
8. Benagiano G., Bianchi P. Human Reproductive Cloning // *Hot topics in Human reproduction. Ethics, Law and Society*. 2023. Vol. 1. P. 97–111. DOI: 10.1007/978-3-031-24903-7_8
9. Рыжова А. А. Клон человека как субъект конституционного права // *Электронный научный журнал. Наука. Общество. Государство*. 2017. Т. 5. № 1. С. 69–75.
10. Adams R. The Ethics of Human Cloning: A Brave New Frontier // *Bio Med*. 2025. Vol. 17. P. 1–2. DOI: 10.35248/0974-8369.25.17.783

REFERENCES

1. Nasrullah, I. R. K., Bibi, S. & Muneer S. (2020). Ethical Issues of Human Cloning. In: *Journal of Medical Sciences*, 40, 103–106. DOI: 10.4103/jmedsci.jmedsci_69_19.
2. Guryleva, M. E., Khamatova G. M. (2019). Ethical and Legal Problems of Human Cloning. In: *Kazan Medical Journal*, 6, 992–1000. DOI: 10.17816/KMJ2019-992 (in Russ.).
3. Zhizhin, N. A. (2021). On the Legal Regulation of Cloning: International Experience. In: *Law Almanac*, 6, 52–57 (in Russ.).
4. Romanovsky, G. B. & Romanovskaya, O. V. (2021). Human Rights and Modern Biomedicine: Problems and Prospects. In: *RUDN Journal of Law*, 25-1, 14–31. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-1-14-31 (in Russ.).
5. Gadzhimagomedova, Sh. S., Abduragimova, M. A. & Makhmudova, A. M. (2023). Legal Aspects of Human Cloning. In: *Law and Management*, 11, 467–470. DOI: 10.24412/2224-9133-2023-11-467-470 (in Russ.).
6. Ryabkov, A. A. & Ryabkov, A. A. (2019). Prospects for the Legal Regulation of Human Reproductive Cloning. In: *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 5-4, 178–182 (in Russ.).
7. Sulaimán, W. N. & Susila, M. E. (2023). Legal Scope of Human Cloning: Comparative Analysis Between the United Kingdom and France. In: *Yuridika*, 38, 37–50. DOI: 10.20473/ydk.v38i1.38773.
8. Benagiano, G. & Bianchi, P. (2023). Human Reproductive Cloning. In: *Hot topics in Human reproduction. Ethics, Law and Society*, 1, 97–111. DOI: 10.1007/978-3-031-24903-7_8.

9. Ryzhova, A. A. (2017). Human Clone as a Subject of Constitutional Law. In: *Science. Society. State*, 5 (1), 69–75 (in Russ.).
10. Adams, R. (2025). The Ethics of Human Cloning: A Brave New Frontier. In: *Bio Med*, 17, 1–2. DOI: 10.35248/0974-8369.25.17.783.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Третьякова Екатерина Сергеевна (г. Пермь) – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории права и юридической практики Высшей школы экономики Пермского филиала;
ORCID: 0000-0001-5303-8633; e-mail: etretyakova@hse.ru

Атаманюк Яна Дмитриевна (г. Пермь) – заместитель декана деканата иностранных обучающихся Пермского государственного медицинского университета им. академика Е. А. Вагнера;
ORCID: 0009-0003-9149-8667; e-mail: atamanyuk.yd@psma.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ekaterina S. Tretyakova (Perm) – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Theory of Law and Legal Practice, HSE University (Perm Branch);
ORCID: 0000-0001-5303-8633; e-mail: etretyakova@hse.ru

Yana D. Atamanyuk (Perm) – Deputy Dean, Dean's Office of Foreign Students, Perm State Medical University named after Academician E. A. Wagner;
ORCID: 0009-0003-9149-8667; e-mail: atamanyuk.yd@psma.ru

Научная статья

УДК 342.733

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-2-39-49

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВООЩИТНОГО ПОТЕНЦИАЛА КОМИССИЙ ПО УРЕГУЛИРОВАНИЮ СПОРОВ МЕЖДУ УЧАСТНИКАМИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ

Пашин В. М.^{1*}, Сергунин К. Н.²

¹Всероссийский государственный университет юстиции, г. Москва, Российская Федерация

²Всероссийский государственный университет юстиции, Тульский институт (филиал), г. Тула, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор, e-mail: paschin@mail.ru

Поступила в редакцию 28.10.2025

После доработки 12.11.2025

Принята к публикации 19.11.2025

Аннотация

Цель. Провести правовой анализ института комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, выявить проблемы в их работе и разработать рекомендации в целях повышения эффективности деятельности по защите и восстановлению нарушенных прав участников образовательных отношений.

Процедура и методы. В основу статьи положен формально-юридический метод, который позволил провести научно-обоснованный анализ существующей нормативно-правовой базы в рассматриваемой сфере. Кроме того, использовались общенаучные методы (анализа, синтеза и обобщения), а также данные, полученные по результатам изучения официальных сайтов вузов, подведомственных Минпросвещения России.

Результаты. Сформулированы предложения по повышению эффективности работы комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений. Установлено, что дальнейшее раскрытие правозащитного потенциала комиссий требует последовательного совершенствования нормативного регулирования их организации и деятельности.

Теоретическая и/или практическая значимость. Проведённое исследование способствует углублению понимания правовой природы и роли комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений. Сформулированные выводы и предложения могут стать основой для дальнейших научных изысканий в данной сфере.

Ключевые слова: защита, комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, конфликт, образование, образовательные отношения, обучающиеся, право на образование

Для цитирования:

Пашин В. М., Сергунин К. Н. Проблемы и перспективы реализации правозащитного потенциала комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений в образовательных организациях // Московский юридический журнал. 2025. № 2. С. 39–49. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-39-49>.

Original research article

PROBLEMS AND PROSPECTS OF REVEALING THE HUMAN RIGHTS POTENTIAL OF COMMISSIONS FOR THE SETTLEMENT OF DISPUTES BETWEEN PARTICIPANTS IN EDUCATIONAL RELATIONS WITHIN EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

V. Pashin¹*, K. Sergunin²

¹All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

²All-Russian State University of Justice, Tula Institute (branch), Tula, Russian Federation

* Corresponding author, e-mail: paschin@mail.ru

Поступила в редакцию 28.10.2025

После доработки 12.11.2025

Принята к публикации 19.11.2025

Abstract

Aim. To conduct a legal analysis of the institution of commissions for the settlement of disputes between participants in educational relations, identify problems in their work, and develop recommendations to increase the effectiveness of activities to protect and restore the violated rights of participants in educational relations.

Methodology. The article is based on the formal legal method, which made it possible to conduct a scientifically grounded analysis of the existing regulatory framework in the area under consideration. In addition, general scientific methods (analysis, synthesis, and generalization) were used, as well as data obtained from studying the official websites of universities subordinate to the Ministry of Education of Russia.

Results. Proposals have been formulated to improve the efficiency of the work of commissions for settling disputes between participants in educational relations. It is established that further investigation of the human rights potential of the commissions requires consistent improvement of the regulatory framework governing their organization and activities.

Research implications. The conducted research contributes to a deeper understanding of the legal nature and role of commissions for settling disputes between participants in educational relations. The conclusions and proposals formulated can form the basis for further scientific research in this area.

Keywords: protection, commissions for the settlement of disputes between participants in educational relations, conflict, education, educational relations, students, right to education

For citation:

Pashin, V. M & Sergunin, K. N. (2025). Problems and Prospects of Revealing the Human Rights Potential of Commissions for the Settlement of Disputes Between Participants in Educational Relations Within Educational Organizations. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 39–49. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-39-49>.

Введение

Право на образование является одним из фундаментальных социально-экономических прав, гарантированных каждому согласно ст. 43 Конституции Российской Федерации¹. Конституционные нормы, устанавливающие гарантии реализации

соответствующего права, конкретизируются в отраслевом законодательстве. Так, согласно ч. 2 ст. 5 Федерального закона № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»² (далее – Закон об образовании) право на образование в Российской

¹ Конституция Российской Федерации (ред. от 06.10.2022) // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ред. от 15.10.2025) // СЗ РФ. 2012. № 53 (часть 1). Ст. 7598.

Федерации гарантируется независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного, социального и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Закон об образовании, принятый в 2012 г., стал важной вехой на пути развития российской образовательной системы и в целом имеет достаточно демократический и гуманистический характер. Представляется, что именно последнее обстоятельство обуславливает наличие в Законе об образовании значительного числа положений об учете мнения обучающихся и родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся по различным вопросам, связанным с учебно-воспитательным процессом и управлением образовательными организациями.

Следует отметить, что Закон об образовании содержит целый ряд специальных норм, посвящённых особенностям правового статуса участников образовательных отношений, в т. ч. двух основных категорий таких участников, а именно педагогических работников и обучающихся. Например, ст. 34 Закона об образовании устанавливает академические права обучающихся, а также меры их социальной поддержки и стимулирования, а ст. 43 определяет их основные обязанности и содержит общие положения о дисциплинарной ответственности обучающихся.

Помимо этого, значительное количество императивных норм Закона об образовании посвящено правам, обязанностям и ответственности образовательных организаций. В соответствии с положениями пп. 2, 3 ч. 6 ст. 28 Закона об образовании на образовательную организацию возложены, в частности, следующие важнейшие обязанности:

– создавать безопасные условия обучения, в т. ч. при проведении практической подготовки обучающихся, а также безопасные условия воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися, их содержания в соответствии с установленными нормами, обеспечивающими жизнь

и здоровье обучающихся, работников образовательной организации;

– соблюдать права и свободы обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, работников образовательной организации.

Разумеется, это далеко не полный перечень положений действующего законодательства Российской Федерации об образовании, направленных на создание оптимальных условий для эффективного осуществления образовательного процесса и обеспечение прав и свобод участников образовательных отношений, в т. ч. защиты обучающихся от всех форм физического и психического насилия, оскорбления личности, а также охрану их жизни и здоровья. Соответствующие меры и механизмы, при помощи которых они реализуются, необходимы для создания безопасной и эффективной образовательной среды, которая обеспечивает реализацию конституционного права каждого человека на образование и способствует всестороннему развитию личности обучающихся.

Однако, несмотря на наличие столь подробной правовой регламентации правового статуса участников образовательных отношений, нельзя не отметить, что негативные явления, такие как буллинг [1], моббинг [2] (оба эти явления в общем смысле можно свести к понятиям притеснения или травли – лишь с тем отличием, что первое явление характерно для среды обучающихся, а второе – преимущественно касается самих педагогических работников и представляет собой их притеснение со стороны педагогического коллектива, руководства образовательной организации или родителей обучающихся), различные формы дискриминации (например, по признаку оснований обучения – за счёт государства или по договору об оказании платных услуг [3], по языковому признаку [4], по состоянию здоровья, в т. ч. по наличию инвалидности [5] и т. д., продолжают оставаться распространёнными проблемами системы образования по целому ряду причин, которые кроются, преимущественно, в социально-экономи-

ческом расслоении российского общества и низком уровне правосознания у значительной части населения.

Наличие случаев дискриминации в сфере образования, безусловно, является основанием, чтобы инициировать дискуссию о необходимости совершенствования законодательства об образовании. Однако следует подчеркнуть, что вопрос о том, какие именно требуются корректировки (непосредственно самого Закона об образовании или же в первую очередь совершенствование практики его реализации), не столь однозначен и остаётся предметом обсуждений. Здесь же необходимо заметить, что официально единой статистики относительно конфликтов в системе образования на общероссийском уровне не существует, однако при этом в литературе можно найти немало исследований, подтверждающих, что конфликтные ситуации, сопряжённые с девиантным поведением, в российских образовательных учреждениях – довольно распространённое явление, с которым сталкивается значительное большинство участников образовательного процесса [6, с. 27; 7, с. 48].

Так, на сегодняшний день в различных социологических опросах и исследованиях фигурируют достаточно высокие значения показателей относительно доли лиц, утвердительно ответивших на вопрос о том, сталкивались ли они с различными проявлениями конфликтов в образовательной среде. Например, по результатам проведённого ВЦИОМ в сентябре 2024 г. опроса о проблемах буллинга в школах каждый четвёртый (25%) респондент ответил, что сам сталкивался с травлей в школе, а почти каждый пятый (19%) – что с буллингом сталкивались его дети или внуки¹.

Необходимо также подчеркнуть, что проблематика конфликтов в сфере образования характерна не только для нашей страны: в иностранной литературе отмечается, что такие конфликты представляют собой «естественное явление» [8, р. 177]

и характеризуются как «недопонимание, разногласия или споры, возникающие в процессе образовательной деятельности, варьирующиеся от повседневных напряженностей между обучающимися до более сложных споров с участием преподавателей, родителей и администраторов» [9, р. 144]. Кроме того, интересно, что зарубежные авторы ещё более 15 лет назад приводили примеры различных форм рассматриваемых конфликтов, причём далеко не только среди обучающихся, но зачастую и среди административного или преподавательского состава, а также предлагали стратегии для их эффективного разрешения [10]. С сожалением приходится констатировать, что в отечественной практике данная тематика вплоть до настоящего времени полна «белых пятен» и разработана далеко не полностью.

Вышесказанное наглядно демонстрирует, что создание необходимых условий для эффективной защиты прав участников образовательного процесса – не просто необходимое условие для обеспечения качества образования и формирования здоровой психологической атмосферы в образовательных организациях, а ключевой элемент государственной политики в сфере образования, направленный на обеспечение соответствующих государственных гарантий.

Комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений: правовой статус и компетенция

Применительно к вышеизложенным обстоятельствам можно отметить, что Законом об образовании уже в его изначальной редакции был предусмотрен правовой механизм, направленный на эффективное урегулирование конфликтных ситуаций, возникающих в рамках образовательного процесса по широкому кругу вопросов. Речь идёт об учреждённых в соответствии со ст. 45 Закона об образовании специальных коллегиальных органах, нацеленных на урегулирование разногласий между всеми участниками образова-

¹ Травля в школе: масштаб проблемы и пути решения [Электронный ресурс] // Всероссийский центр изучения общественного мнения: [сайт]. URL: <https://cls.li/jnyam> (дата обращения: 01.11.2025).

тельного процесса по вопросам реализации права на образование, – комиссиях по урегулированию споров между участниками образовательных отношений (далее – Комиссии).

Полагаем, что институт Комиссий можно по праву считать одним из важнейших нововведений, привнесённых Законом об образовании в практику организации и осуществления образовательной деятельности. Комиссии создаются в целях урегулирования разногласий между участниками образовательных отношений по вопросам реализации права на образование, в том числе в случаях возникновения конфликта интересов педагогического работника, применения локальных нормативных актов, обжалования решений о применении к обучающимся дисциплинарного взыскания (ч. 2 ст. 45 Закона об образовании).

Комиссия формируется на паритетных началах из равного числа представителей совершеннолетних обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся и работников организации, осуществляющей образовательную деятельность (ч. 3 ст. 45 Закона об образовании).

Решения Комиссии по общему правилу, установленному ч. 4 ст. 45 Закона об образовании, обязательны к исполнению, но могут быть обжалованы в установленном законом порядке, т. е. в суде в соответствии с законодательством о гражданском судопроизводстве, что следует из содержания ч. 5 ст. 45 Закона об образовании.

Наконец, ч. 6 ст. 45 Закона об образовании устанавливает, что порядок создания, организации работы, принятия решений Комиссией и их исполнения устанавливается локальным нормативным актом, который принимается с учётом мнения советов обучающихся, советов родителей, а также представительных органов работников этой организации и (или) обучающихся в ней (при их наличии).

Таким образом, действующее законодательство об образовании не подразумевает директивного подхода к определению пра-

вового статуса и компетенции Комиссий, а напротив, исходя из принципа автономии образовательных организаций, лишь устанавливает общие рамки деятельности соответствующих коллегиальных органов, которые заключаются в следующем [11, с. 190]:

– обучающийся, родители (законные представители) несовершеннолетнего обучающегося вправе обжаловать в Комиссии меры дисциплинарного взыскания и их применение к обучающемуся (ч. 11 ст. 43 Закона об образовании);

– обучающиеся, родители (законные представители) несовершеннолетних обучающихся самостоятельно или через своих представителей вправе обращаться в Комиссию, в т. ч. по вопросам о наличии или об отсутствии конфликта интересов педагогического работника (п. 2 ч. 1 ст. 45 Закона об образовании).

Кроме того, в соответствии с изменениями, внесёнными в Закон об образовании в декабре 2023 г., право на обращение в Комиссию в целях защиты своих прав было предоставлено также педагогическим работникам (п. 2 ч. 3.1 ст. 47 Закона об образовании)¹. Эти изменения призваны повысить эффективность защиты прав и законных интересов педагогов, что совершенно логично – ведь педагоги так же, как и обучающиеся, являются полноправными участниками образовательных отношений (п. 31 ст. 2 Закона об образовании). Включение педагогических работников в число лиц, имеющих право на обращение в Комиссию, является, на наш взгляд, важным шагом к обеспечению надлежащего баланса интересов всех участников образовательного процесса. Полагаем, что предоставление педагогическим работникам указанного права подчёркивает значимость их правового статуса как ключевых участников образовательной деятельности, чьи интересы (наряду с интересами обучающихся) нуждаются в специальной защите.

¹ Федеральный закон от 19.12.2023 № 618-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "Об образовании в Российской Федерации"» // СЗ РФ. 2023. № 52. Ст. 9531.

На федеральном уровне отсутствует единая, централизованно собираемая и публикуемая статистика о точном количестве споров, рассмотренных Комиссиями. Соответствующую информацию можно получить исключительно от конкретной образовательной организации или, возможно, в рамках отдельных региональных исследований. Кроме того, Закон об образовании предоставляет образовательным организациям значительную автономию в детальной регламентации порядка образования и работы Комиссий посредством принятия соответствующих локальных нормативных актов.

В этой связи в целях оказания методической помощи образовательным организациям Минпросвещения России и Общероссийский Профсоюз образования в 2019 г. разработали Примерное положение о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений (далее – Примерное положение)¹. Минпросвещения России и Профсоюз для создания оптимальных условий, направленных на реализацию участниками образовательных отношений своих прав на обращение в Комиссию, рекомендовали заинтересованным органам и организациям предпринять ряд мер, в т. ч. разместить Примерное положение и разработанные на его основе локальные нормативные акты о Комиссиях на официальных сайтах, а также учитывать Примерное положение при разработке отраслевых соглашений на региональном уровне. Кроме того, Минпросвещения России и Профсоюз обратили внимание на необходимость ознакомления педагогических работников с локальными нормативными актами о Комиссиях организаций, осуществляющих образовательную деятельность, на основании ч. 2 ст. 22 и ч. 3 ст. 68 Трудового кодекса Российской Федерации².

¹ Письмо Минпросвещения России № ВБ-107/08, Общероссийского Профсоюза образования № ВБ-107/08/634 от 19.11.2019 «О примерном положении о комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений» // СПС Консультант Плюс.

² Трудовой кодекс Российской Федерации от

Согласно п. 2 Примерного положения Комиссия создаётся в целях урегулирования разногласий между участниками образовательных отношений по вопросам реализации права на образование, за исключением споров, для которых законодательством Российской Федерации установлен иной порядок рассмотрения и разрешения, например, индивидуальных трудовых споров или вопросов, связанных с защитой и восстановлением прав и законных интересов несовершеннолетних.

В развитие положений ч. 3 ст. 45 Закона об образовании п. 7 Примерного положения устанавливает, что Комиссия создаётся из равного числа представителей участников образовательных отношений в количестве не менее 3 человек от каждой стороны.

Функции и полномочия Комиссии определены разделом III Примерного положения. Комиссия рассматривает заявления участников образовательных отношений и уполномочена разрешать широкий спектр конфликтов: от нарушений локальных нормативных актов и применения дисциплинарных взысканий к обучающимся, до вопросов, связанных с соблюдением профессиональной этики педагогических работников.

Согласно п. 37 Примерного положения, в случае установления факта нарушения права на образование Комиссия принимает решение, направленное на его восстановление, в том числе с возложением обязанности по устранению выявленных нарушений на обучающихся, родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся и (или) работников организации.

Решение Комиссии принимается открытым голосованием большинством голосов от общего числа членов Комиссии, принявших участие в заседании. В случае равенства голосов решение принимается в пользу участника образовательных отношений, действия или бездействие которого оспаривается, а в случае обжалования решения

30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 29.09.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1 (часть 1). Ст. 3.

о применении к обучающемуся дисциплинарного взыскания – в пользу обучающегося (п. 38 Примерного положения). Решения Комиссии оформляются протоколами заседаний, которые подписываются всеми присутствующими членами Комиссии (п. 39 Примерного положения).

Проблемные вопросы организации деятельности комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений

Стоит заметить, что, несмотря на достаточно детальную разработанность в Примерном положении функционала Комиссий, в научной литературе отмечается ряд проблемных моментов, связанных с организацией их деятельности. Например, М. С. Михайлов пишет, что «положение, устанавливающее порядок работы комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений не всегда размещено на официальных интернет-страницах образовательных организаций» [12, с. 81]. В этой связи следует заметить, что в соответствии с пп. «д» п. 2 ч. 2 ст. 29 Закона об образовании образовательные организации обязаны обеспечивать открытость и доступность локальных нормативных актов, предусмотренных ч. 2 ст. 30 указанного Закона, правил внутреннего распорядка обучающихся, правил внутреннего трудового распорядка, коллективного договора. При этом нужно обратить внимание на то, что перечень локальных нормативных актов, предусмотренный ч. 2 ст. 30 Закона об образовании, является открытым, следовательно – на образовательные организации возложена обязанность по обеспечению открытости и доступности текста локального нормативного акта, определяющего порядок деятельности Комиссии, в т. ч. на официальном сайте образовательной организации в сети «Интернет».

По результатам проведённого в октябре 2025 г. изучения разделов, содержащих сведения об образовательной

организации, официальных сайтов всех педагогических вузов, подведомственных Минпросвещения России, нами выявлено, что в 27 из 36 вузов локальные нормативные акты, регламентирующие порядок образования и работы Комиссий, вовсе не размещены, а ещё в 4 вузах такие документы хоть и есть, но они являются морально устаревшими и были утверждены ещё до принятия Примерного положения. Таким образом, только на примере вузов, входящих в систему Минпросвещения России, можно увидеть, что менее 14% образовательных организаций высшего образования надлежащим образом выполнили соответствующие требования.

Как указано в литературе, большинство обучающихся и их родителей (законных представителей) попросту не знают о возможности обращения в Комиссию, что является одним из основных факторов регресса и непопулярности данного института [13, с. 14]. В этой связи актуальным направлением совершенствования правоохранительных функций Комиссий нам видится, прежде всего, проведение информационно-просветительских мероприятий для всех участников образовательных отношений (педагогов, обучающихся, их родителей (законных представителей)) об их праве на обращение в Комиссию, порядке подачи обращения и её полномочиях.

Другим важным вопросом, требующим проработки, является учёт в деятельности Комиссии педагогической специфики урегулирования споров в системе образования [14]. Полагаем, что в этой связи в локальных нормативных актах образовательных организаций, регламентирующих работу Комиссии, должны быть учтены специфические черты и особенности различных типов образовательных организаций, в которых она создаётся (общеобразовательная организация, профессиональная образовательная организация или образовательная организация высшего образования). Указанные особенности должны учитывать состав контингента обучающихся и педагогических работников, наличие представительных органов, обучающихся

и (или) работников и т. п. Немаловажным в этой связи представляется и необходимость развития специализированных профессиональных компетенций у представителей образовательной организации, входящих в состав Комиссии. Здесь можно отметить, что члены Комиссий должны обладать не только знанием законодательства об образовании, но и специальными навыками в области медиации, конфликтологии и психологии общения для эффективного разрешения споров.

Следует подчеркнуть, что Комиссии должны не только разрешать уже возникшие споры, но и анализировать их причины для разработки и внесения предложений руководству образовательной организации по предотвращению подобных ситуаций в будущем.

Кроме того, Комиссии могут быть эффективны при проведении проверочных мероприятий, предшествующих решению вопроса о расторжении с педагогическим работником трудового договора, в том числе по основаниям совершения аморального проступка, исключающего возможность продолжения работы, или применения методов воспитания, связанных с физическим и (или) психическим насилием над личностью обучающегося. При этом важно помнить, что окончательное решение о применении дисциплинарного взыскания, в том числе увольнения по соответствующим статьям (п. 8 ч. 1 ст. 81, п. 2 ст. 336 Трудового кодекса Российской Федерации), остаётся за работодателем (администрацией образовательной организации).

В этой связи работа Комиссии не заменяет собой процедуры служебного расследования полностью, но позволяет предоставить заключение или рекомендацию по результатам рассмотрения конфликтной ситуации, которые руководство образовательной организации обязано рассмотреть, а также зафиксировать факты и объяснения, которые затем могут быть использованы при издании приказа об увольнении.

Таким образом, Комиссии могут быть эффективным инструментом для обеспе-

чения объективности и соблюдения законных прав всех сторон образовательного процесса при проведении служебных проверок, но они действуют в рамках, очерченных Законом об образовании, не подменяя собой функции работодателя по применению дисциплинарных взысканий. Это тем более важно с учётом того, что Закон об образовании непосредственно предусматривает право педагогического работника на защиту своих профессиональной чести и достоинства, а также на справедливое и объективное расследование нарушения норм профессиональной этики (п. 13 ч. 3 ст. 47 Закона об образовании).

Кроме того, полагаем, что на законодательном уровне следует более детально разграничить функции служб по урегулированию конфликтов, созданных в образовательной организации, что позволит сделать работу Комиссий прозрачной, демократичной и объективной [15]. В этой связи необходимо чётко разграничить персональный состав Комиссии и отдельных коллегиальных органов управления, сформированных в образовательной организации в соответствии с положениями ч. 4 ст. 26 Закона об образовании (педагогический совет, учёный совет, попечительский совет и т. п.). Это обстоятельство особенно важно учитывать в контексте того, что положения ч. 3 ст. 45 Закона об образовании не устанавливают прямого запрета на включение в состав Комиссии работников образовательной организации из числа административно-управленческого персонала, что, на наш взгляд, несколько противоречит демократической природе этого коллегиального органа и потенциально может повлиять на объективность принимаемых решений.

Обобщая изложенное, можно сделать вывод, что Комиссии – законодательно закреплённый коллегиальный орган образовательной организации, призванный обеспечить защиту прав и законных интересов участников образовательных отношений и гарантировать справедливое разрешение конфликтов, возникающих внутри образовательной организации.

Заключение

Завершая исследование, считаем необходимым отметить, что с учётом выявленных нами проблем и противоречивых тенденций, возникающих в рамках организации и деятельности комиссий по урегулированию споров между участниками образовательных отношений, данный институт имеет значительный потенциал совершенствования как в части организационно-правовых аспектов, так и в части повышения эффективности его деятельности.

Во-первых, необходимо детально прописывать в локальных нормативных актах образовательных организаций порядок создания, организации работы Комиссий, принятия ими решений и сроков их исполнения.

Во-вторых, целесообразно рассмотреть вопрос о том, чтобы обеспечить единообразие в организационных аспектах работы Комиссий по всей стране, учитывая при этом специфику разных типов организаций (школы, вузы, колледжи). Для этого, возможно, стоит внести изменения в ч. 6 ст. 45 Закона об образовании, наделив Минпросвещения России полномочиями по утверждению порядка создания, организации работы, принятия решений Комиссиями и их исполнения, исключив тем самым существующую возможность практически неограниченного локального регулирования соответствующих вопросов самими учебными заведениями.

В-третьих, несмотря на то, что формально решения Комиссий обязательны для исполнения, необходимы существенное усиление механизмов контроля за их реализацией и повышение информированности участников образовательного процесса как об их праве на обращение в Комиссию, так и о возможности дальнейшего обжалования соответствующих решений в судебном порядке в случае несогласия с ними. В этой связи, на наш взгляд, целесообразно подумать над тем, чтобы перестроить организационную модель работы Комиссий, создав их единую трёхзвенную вертикаль (на уровне образовательной организации; на уровне субъекта РФ; на федеральном

уровне). В данном случае все основания утверждать возможность реализовать такую идею уже имеются, ведь в сентябре 2025 г. Министерством просвещения РФ был сформирован Совет по защите профессиональной чести и достоинства педагогических работников¹, а также определён формат работы соответствующих региональных комиссий². В этой связи соответствующую модель вполне можно было бы применить и взять за основу в рассматриваемом нами случае, что позволит превратить хотя и существующую сегодня, но во многом декларативную возможность обращаться в Комиссию для разрешения того или иного конфликта в эффективно работающий юридический механизм, способствующий реальному восстановлению нарушенных или оспариваемых прав и свобод участников образовательных отношений.

В частности, федеральная Комиссия в качестве вышестоящей структуры в предлагаемой нами системе должна обеспечить возможность формирования единых стандартов работы Комиссий и осуществлять разработку рекомендаций, направленных на совершенствование правового регулирования и правоприменительной практики в целях устранения (либо минимизации) наиболее распространённых первопричин нормативного характера, вызывающих конфликты в сфере образования. При этом региональные Комиссии вполне могли бы анализировать практику работы нижестоящих Комиссий, действующих на уровне образовательных организаций (что сейчас, как мы уже отмечали, в принципе системно не осуществляется), а также обладать правом пересмотра решений таких Комиссий – как минимум в слу-

¹ Создан Совет по защите профессиональной чести и достоинства педагогов // Министерство просвещения Российской Федерации: [сайт]. URL: <https://edu.gov.ru/press/10423/sozdan-совет-po-zaschite-professionalnoy-chesti-i-dostoinstva-pedagogov/?ysclid=mjq4jfuqah276695772> (дата обращения: 25.10.2025).

² Письмо Минпросвещения России и Общероссийского Профсоюза образования от 18.08.2025 № СК-1030/08/485 «О комиссии по защите чести и достоинства педагогических работников» // СПС Консультант Плюс.

чае, если они приняты с нарушением установленного порядка.

Представляется, что реализация предложенных нами мер позволит повысить уровень защиты прав и законных интересов участников образовательных отношений и повысить доверие к институту Комиссий как к эффективному инструменту досудеб-

ного урегулирования конфликтов в сфере образования. Таким образом, последовательное совершенствование нормативного регулирования организации и деятельности Комиссий является ключевым условием для наиболее полного раскрытия их правозащитного потенциала в отечественной системе образования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Капиренкова О. Н., Пискажева М. И. Буллинг в современной образовательной среде // Психология когнитивных процессов. 2020. № 9. С. 177–184.
2. Темнова Л. В., Новикова В. С. Моббинг школьного учителя в современной образовательной среде // Вестник Югорского государственного университета. 2022. № 4. С. 206–216. DOI: 10.18822/byusu202204206-216
3. Стоянов А. С. Оплата обучения как фактор дискриминации студентов: бюджетники VS платники // ГосРег: государственное регулирование общественных отношений. 2022. № 4. С. 304–318.
4. Петербургский М. Ю. Языковые права национальных меньшинств в системе российского образования // Сравнительное конституционное обозрение. 2019. № 1. С. 79–91. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-79-91
5. Касаркина Е. Н., Тайшина Д. А. Социальные и правовые основания институционализации инклюзивного образования в России // Ежегодник российского образовательного законодательства. 2023. Т. 18. № 23. С. 178–201.
6. Лялина И. Н., Золотова А. М., Русакова М. М. Конфликтные ситуации в средних общеобразовательных учреждениях: потребности подростков и окружающих взрослых по результатам социологического исследования // Социальные науки и детство. 2022. Т. 3. № 4. С. 20–40. DOI: 10.17759/ssc.2022030402
7. Бубновская О. В., Якубенко К. А. Факторы девиантного поведения российской молодежи с учетом социально-экономического развития регионов // Экономическая социология. 2024. Т. 25. № 4. С. 46–94. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-4-46-94
8. The Mediation Handbook: Research, theory, and practice / ed. A. Georgakopoulos. NY: Routledge, 2017. 450 p. DOI: 10.4324/9781315648330
9. Călinescu A. Conflict Dynamics in Education // EIKI Journal of Effective Teaching Methods. 2025. Vol. 3. № 3. P. 144–166. DOI: 10.59652/jetm.v3i3.662
10. Ghaffar A. Conflict in Schools: Its Causes and Management Strategies // Journal of Managerial Sciences. 2009. Vol. III. № II. P. 212–227.
11. Сергунин К. Н., Лихачева О. О. Комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений: правовой статус и компетенция // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями в Российской Федерации: мат-лы конференции / под ред. А. В. Победкина, Р. В. Сидорцова. Тула, 2023. С. 187–194.
12. Михайлов М. С. Комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений: к вопросу об эффективности правовых норм // 30 лет Конвенции о правах ребенка: современные вызовы и пути решения проблем в сфере защиты прав детей: сб. конф. / под ред. А. И. Лыжина, М. Б. Ларионовой и др. Екатеринбург, 2020. С. 80–83.
13. Биккузина А. Х. Комиссия по урегулированию споров между участниками образовательных отношений: необходимый инструмент или навязанная фикция? // Право и образование. 2019. № 5. С. 9–15.
14. Иванова Е. В. Педагогическое обеспечение комиссии по урегулированию споров между участниками образовательных отношений // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки. 2015. № 3. С. 54–57.
15. Афанасьева И. В., Куницына С. М. Правозащитные службы в общеобразовательной организации: нормативно-правовое обеспечение, функции, структура // Legal Bulletin. 2017. Т. 2. № 1. С. 39–45.

REFERENCES

1. Kapirenkova, O. N. & Piskazheva, M. I. (2020). Bullying in the Modern Educational Environment. In: *Journal of Cognitive Psychology*, 9, 177–184 (in Russ.).

2. Temnova, L. V. & Novikova, V. S. (2022). Mobbing of a School Teacher in a Modern Educational Environment. In: *Yugra State University Bulletin*, 4, 206–216. DOI: 10.18822/byusu202204206-216 (in Russ.).
3. Stoyanov, A. S. (2022). Tuition Fees as a Factor of Student Discrimination: State Employees vs Paid. In: *Gosreg: State Regulation of Public Relations*, 4, 304–318 (in Russ.).
4. Petersburg, M. Yu. (2019). Language Rights of National Minorities in the System of Russian Education. In: *Comparative Constitutional Review*, 1, 79–91. DOI: 10.21128/1812-7126-2019-1-79-91 (in Russ.).
5. Kasarkina, E. N. & Taishina, D. A. (2023). Social and Legal Grounds for the Institutionalization of Inclusive Education in Russia. In: *Yearbook of Russian Educational Legislation*, 18, 23, 178–201 (in Russ.).
6. Lyalina, I. N., Zolotova, A. M. & Rusakova, M. M. (2022). Conflict Situations in Secondary Educational Institutions: Adolescents' and Surrounding Adults' Needs According to the Results of Sociological Research. In: *Social Sciences and Childhood*, 3-4, 20–40. DOI: 10.17759/ssc.2022030402 (in Russ.).
7. Bubnovskaya, O. V. & Yakubenko, K. A. (2024). Factors of Deviant Behavior of Russian Youth, Considering the Social-Economic Development of the Regions. In: *Economic Sociology*, 25-4, 46–94. DOI: 10.17323/1726-3247-2024-4-46-94 (in Russ.).
8. Georgakopoulos, A., ed. (2017). *The Mediation Handbook: Research, Theory, and Practice*. New York: Routledge. DOI: 10.4324/9781315648330.
9. Călinescu, A. (2025). Conflict Dynamics in Education. In: *EIKI Journal of Effective Teaching Methods*, 3-3, 144–166. DOI: 10.59652/jetm.v3i3.662.
10. Ghaffar, A. (2009). Conflict in Schools: Its Causes and Management Strategies. In: *Journal of Managerial Sciences*, III–II, 212–227.
11. Sergunin, K. N. & Likhacheva, O. O. (2023). Commission on the Disputes Settlement Between Participants in Educational Relations: Legal Status and Competence. In: *Actual Problems of Combating Crimes and Other Offenses in the Russian Federation*. Tula, pp. 187–194 (in Russ.).
12. Mikhailov, M. S. (2020). Commission for the Settlement of Disputes Between Participants in Educational Relations: On the Issue of the Effectiveness of Legal Norms. In: *30 years of the Convention on the Rights of the Child: Modern Challenges and Ways to Solve Problems in the Field of Protecting the Rights of Children*. Yekaterinburg, pp. 80–83 (in Russ.).
13. Bikkuzina, A. Kh. (2019). Commission for the Settlement of Disputes Between Participants in Educational Relations: A Necessary Tool or an Imposed Fiction? In: *Law and Education*, 5, 9–15 (in Russ.).
14. Ivanova, E. V. (2015). Pedagogical Support of the Commission for the Settlement of Disputes Between Participants in Educational Relations. In: *The Tidings of the Baltic State Fishing Fleet Academy: Psychological and Pedagogical Sciences*, 3, 54–57 (in Russ.).
15. Afanasyeva, I. V. & Kunitsyna, S. M. (2017). Human Rights Services in a General Education Organization: Legal Support, Functions, Structure. In: *Legal Bulletin*, 2 (1), 39–45 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Пашин Вадим Михайлович (г. Москва) – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);

ORCID: 0009-0007-4958-3111; e-mail: paschin@mail.ru

Сергунин Кирилл Николаевич (г. Тула) – старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса Всероссийского государственного университета юстиции, Тульского института (филиала);

ORCID: 0009-0006-6960-5130; e-mail: k.sergunin@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vadim M. Pashin (Moscow) – Dr. Sci. (Law), Assoc. Prof., Prof., Department of Criminal Procedure and Criminalistics, All-Russian State University of Justice;

ORCID: 0009-0007-4958-3111; e-mail: paschin@mail.ru

Kirill N. Sergunin (Tula) – Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure, All-Russian State University of Justice, Tula Institute (branch);

ORCID: 0009-0006-6960-5130; e-mail: k.sergunin@yandex.ru

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 346.546.1

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-2-50-59

ПЕРСПЕКТИВЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СПОРОВ В СФЕРЕ ТОРГОВ ПУБЛИЧНЫМ ИМУЩЕСТВОМ ПОСРЕДСТВОМ МЕДИАЦИИ

Королев Е. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: korolev@list.ru

Поступила в редакцию 20.09.2025

После доработки 08.10.2025

Принята к публикации 16.10.2025

Аннотация

Цель. Проанализировать перспективы урегулирования споров в сфере торгов публичным имуществом посредством медиации.

Процедура и методы. Для анализа действующего законодательства, связанного с урегулированием споров в сфере торгов публичным имуществом и с процедурой медиации, использован формально-юридический метод. В целях сопоставления подходов к применению медиации в спорах в частноправовой и публично-правовой сферах изучена судебная практика, а также проведён теоретический анализ по проблемам определения публичного интереса и применения примирительных процедур.

Результаты. Установлено, что споры в сфере торгов публичным имуществом имеют комплексную частно-публичную природу, что порождает коллизию между принципами медиации и требованиями защиты публичных интересов. Кроме того, установлено, что действующее законодательство о медиации (ч. 5 ст. 1 ФЗ № 193-ФЗ) создаёт правовую неопределённость в отношении допустимости медиации в публично-правовых спорах, т. к. они по своей правовой природе затрагивают публичный интерес. Обоснована также необходимость законодательных изменений, предусматривающих проведение медиации по таким спорам только после передачи спора на рассмотрение суда, обязательное утверждение судом достигнутого соглашения в качестве мирового и требование к профессиональной специализации медиаторов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Выработаны конкретные предложения по совершенствованию законодательства, направленные на снижение коррупционных рисков и обеспечение законности при распоряжении публичным имуществом. Предложенная модель применения процедуры медиации в сфере торгов публичным имуществом позволяет использовать преимущества медиации (снижение нагрузки на суды, поиск взаимовыгодных решений) при одновременном обеспечении защиты публичных интересов. Результаты исследования могут быть использованы при правоприменении и реформировании законодательства о медиации.

Ключевые слова: медиация, публичное имущество, торги, публичный интерес, мировое соглашение, альтернативное разрешение споров, защита конкуренции

Для цитирования:

Королев Е. В. Перспективы урегулирования споров в сфере торгов публичным имуществом посредством медиации // Московский юридический журнал. 2025. № 2. С. 50–59. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-50-59>.

Original research article

PROSPECTS FOR RESOLVING DISPUTES IN THE SPHERE OF PUBLIC PROPERTY TRADING BY MEANS OF MEDIATION

E. Korolev

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: korolev@list.ru

Received by the editorial office 20.09.2025

Revised by the author 08.10.2025

Accepted for publication 16.10.2025

Abstract

Aim. To analyze prospects for resolving disputes in the sphere of public property trading by means of mediation.

Methodology. The formal legal method was used to analyze the current legislation related to the settlement of disputes in the sphere of public property trading and the mediation procedure. The judicial practice was studied to compare approaches to the use of mediation in disputes in the private and public law spheres, and a theoretical analysis was conducted on the problems of determining the public interest and the application of conciliation procedures.

Results. It was established that disputes in the sphere of public property trading have a complex private-public nature, which gives rise to a conflict between the principles of mediation and the requirements for the protection of public interests. In addition, it was established that the current legislation on mediation (Pt. 5 of Article 1 of Federal Law no. 193) creates legal uncertainty regarding the admissibility of mediation in public law disputes, since they affect the public interest by their legal nature. The need for legislative changes providing for mediation in such disputes only after the dispute is referred to the court for consideration, mandatory approval by the court of the agreement reached as a settlement and a requirement for the professional specialization of mediators is also substantiated.

Research implications. The theoretical and practical significance lies in the development of specific proposals for improving legislation aimed at reducing corruption risks and ensuring the legality of the disposal of public property. The proposed model for applying the mediation procedure in the field of public property auctions allows us to use the advantages of mediation (reducing the burden on the courts, finding mutually beneficial solutions) while simultaneously ensuring the protection of public interests. The results of the study can be used in law enforcement and reforming the legislation on mediation.

Keywords: mediation, public property, tenders, public interest, settlement agreement, alternative dispute resolution, protection of competition

For citation:

Korolev, E. V. (2025). Prospects for Resolving Disputes in the Sphere of Public Property Trading by Means of Mediation. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 50–59. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-50-59>.

Введение

В контексте современных социально-экономических отношений, развивающихся в условиях рыночной экономики, государство выступает значимым субъектом не только в публично-правовой сфере, но и в частноправовой. При активном участии государства в частноправовых отношениях, в которых частные лица привлекаются к использованию публичных ресурсов, повышается уровень его ответственности в сфере защиты публичных интересов. В 2023 г. в оборот введено более 18 тыс. объектов муниципальной и государственной собственности, а доход федерального бюджета от их реализации составил 1 576,5%, что в 1,6 раза превысило плановые значения¹. Приведённые статистические данные подчёркивают особую роль сделок, связанных с распоряжением публичным имуществом.

Публичное имущество – составляющий элемент экономической основы деятельности органов публичной власти, оно взаимосвязано с реализацией публичных функций и задач, с обеспечением интересов общества. Как справедливо отмечает Е. С. Смагина, «правовые формы включения государства в имущественный оборот способны отражать изменившиеся потребности реализации всех групп интересов на основе их взаимодействия, взаимовлияния, а не противопоставления лишь при новом, адекватном и сбалансированном понимании положения государства как участника этого оборота» [1, с. 3].

Ключевым принципом при распоряжении публичной собственностью является принцип эффективности, соблюдение которого обеспечивается, в частности, посредством организации и проведения торгов (конкурса, аукциона) на право заключения соответствующих договоров. Императивная обязанность проведения торгов при отчуждении публичного имущества (за исключением прямо предус-

мотренных законом случаев) закреплена в ст. 17.1 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции»² (Закон о защите конкуренции).

Торги выступают инструментом достижения фундаментальных принципов открытости, равенства, социальной справедливости, а также экономической эффективности в процессе управления публичными ресурсами. Институт торгов сочетает в себе правовую функцию, гарантируя обеспечение конкурентных начал и прозрачности, и экономическую функцию, способствуя формированию сбалансированной модели управления такими ресурсами.

Важно отметить, что торги представляют собой комплексный институт, интегрирующий в себе элементы как публичного, так и частного права. Специфика природы торгов публичным имуществом обуславливает наличие особенностей не только в процедурах их организации и проведения, но и в механизмах разрешения споров, возникающих между их участниками.

По общему правилу, в соответствии со ст. 37 Закона о защите конкуренции, лицо, чьё право нарушено при проведении торгов, имеет право на обращение с иском в суд, арбитражный суд, в т. ч. с требованием возместить убытки, восстановить нарушенное право, возместить вред, а также признать торги недействительными.

В целях снижения нагрузки на судебную систему, повышения качества разрешения споров, а также формирования этики делового оборота и развития партнёрских деловых отношений в 2010 г. на законодательном уровне введён институт медиации – принят Федеральный закон Российской Федерации № 193 «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»³ (далее – Закон о медиации), вступивший в законную силу с 2011 г.

¹ Отчет о деятельности Федерального агентства по управлению государственным имуществом за 2023 год. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosim.gov.ru/about/reports/performance/481763> (дата обращения: 10.09.2025).

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3434.

³ Федеральный закон от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Собрание законодательства РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.

Дальнейшее реформирование законодательства о примирительных процедурах, инициированное Верховным судом РФ в 2019 г., затронуло Гражданский процессуальный кодекс РФ, Арбитражный процессуальный кодекс РФ, Кодекс административного судопроизводства РФ. Наиболее значимыми новациями стали включение специальных глав о примирительных процедурах, выделение их отдельных видов (переговоры, медиация, судебное примирение), а также расширение сферы применения медиации на административные и иные споры, вытекающие из публично-правовых отношений.

Цель исследования заключается в анализе перспектив урегулирования споров в сфере торгов публичным имуществом посредством медиации.

Проблемами, связанными с возможностью применения процедуры медиации в целях урегулирования публично-правовых споров, занимались, в частности, Е. Б. Абакумова [2], А. С. Архипкина [3], М. А. Кутарова [4], Н. И. Попова [5], Е. С. Смагина [1]. Интерес представляют исследования В. В. Яркова [6] и И. А. Ясеновец [7] о правовой природе мирового соглашения и порядка его заключения, а также исследование И. В. Филимоновой и Х. М. Цутиевой об определении понятия «публичный интерес» [8].

Процедура медиации как альтернативная процедура урегулирования споров

Базовыми принципами проведения медиации, в соответствии с положениями Закона о медиации, являются добровольность, сотрудничество, равноправие сторон, конфиденциальность, а также независимость и беспристрастность медиатора. Результатом успешного проведения процедуры является достижение компромисса – урегулирование спора путём заключения медиативного соглашения на взаимоприемлемых для сторон условиях [9].

Процедура медиации носит согласительный и добровольный характер [5]. Для

обеспечения её эффективности требуется соответствие определённым критериям. Так, М. А. Кутарова выделяет следующие критерии медиальности: выражение воли сторон на проведение медиации; отнесение категории спора к числу разрешаемых с её помощью; направленность медиативного соглашения исключительно на интересы его участников; наличие правомочия на заключение такого соглашения; возможность процессуального оформления итогов медиации. Преимуществом достигнутого консенсуса является его реализуемость, поскольку стороны, согласовывая условия, должны подтвердить их исполнимость [4].

Как отмечено ранее, одним из ключевых принципов медиации является принцип добровольности, суть которого заключается в самостоятельном принятии сторонами решения об обращении к данной процедуре. Если в процессе переговоров соглашение не достигнуто, то стороны вправе в любой момент отказаться от дальнейшего участия в них. Принцип добровольности также проявляется в свободе определения условий медиативного соглашения, которые должны быть результатом свободного, взаимного волеизъявления сторон. Указанное означает, что круг общественных отношений, охватываемых медиативным соглашением, может выходить за рамки предмета спора.

Как отмечает С. К. Загайнова, «поскольку в рамках процедуры медиации стороны урегулируют спор исходя из своих интересов, а не на основе правоприменения, то принимаемое сторонами медиативное соглашение может содержать положения, не только регулируемые правом, но и выходящие за пределы правового регулирования» [10, с. 33]. Действительно, природа конфликта зачастую многогранна, а его причины могут корениться не только в правовой плоскости (к примеру, корпоративные споры могут порождаться межличностными противоречиями).

Таким образом, в соответствии с принципом добровольности медиативное соглашение может включать условия, ко-

торые не подпадают под классификацию сделки, однако принудительное исполнение таких условий путём обращения в суд невозможно в случае, если стороны действуют недобросовестно.

В соответствии с Законом о медиации данная процедура может быть инициирована как до обращения в суд, так и после передачи спора на судебное рассмотрение. Медиативные соглашения, достигнутые в результате медиации, начатой после обращения в суд, могут быть представлены суду для утверждения. Такое соглашение обладает статусом гражданско-правового договора, а при представлении в суд – служит письменным доказательством и основанием для заявления возражения о прекращении спора в связи с его урегулированием [11].

М. А. Рожкова верно отмечает, что «заключая мировое соглашение, лица свободны в определении условий договора; суд не может оказывать влияние на волеизъявление сторон, он вправе утвердить мировое соглашение или отказать в его утверждении. Последующее произведение судом любого из действий, указанных в ст. 324 АПК РФ, ст. 434 ГПК РФ, будет являться изменением судом условий гражданско-правового договора (мирового соглашения) вопреки волеизъявлению сторон мирового соглашения. Суд не вправе вмешиваться в мировое соглашение, внося в него изменения путем отсрочки или рассрочки, изменения способа или порядка исполнения согласованных сторонами обязанностей; порядок, предусмотренный правилами ст. 324 АПК РФ, ст. 434 ГПК РФ, распространяется только на случаи изменения судебного акта, но не мирового соглашения» [12, с. 529]. В данном случае стороны могут заключить новое мировое соглашение, что подтверждается п. 23 Постановления Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе»¹.

В настоящее время в России процедура медиации ещё не получила широкого

применения. Привычной формой защиты прав участников спорных правоотношений выступает судебная форма. В качестве альтернативных способов разрешения конфликтов в России наиболее популярными являются комиссии по трудовым спорам, претензионный порядок урегулирования споров, разбирательство в третейских судах [2]. С учётом специфики правоотношений с участием государства интерес представляют перспективы урегулирования споров в сфере торгов публичным имуществом посредством применения данного института.

Возможность урегулирования споров в сфере торгов публичным имуществом посредством применения процедуры медиации

Сфера применения медиации обозначена в ч. 2 ст. 1 Закона о медиации. Ключевое значение имеет положение ч. 5 ст. 1 указанного закона, которым установлен запрет на применение медиации к спорам, затрагивающим или способным затронуть права и законные интересы третьих лиц, не участвующих в процедуре медиации, а также публичные интересы.

Как отмечали ведущие процессуалисты советского периода, «наличие не гражданского, а административных правоотношений между сторонами исключает возможность мировой сделки» [13, с. 304].

В этой связи требуется анализ категории «публичный интерес». Несмотря на частое использование данного термина в законодательстве, его официальное определение отсутствует. В юридической доктрине также не достигнуто единого понимания его сущности.

Так, Ю. В. Тихомиров определяет основные начала, составляющие сущность категории «публичный интерес», среди которых: а) незыблемость основ конституционного строя; б) охрана государственных границ, оборона страны, общественная безопасность; в) устойчивость власти и ее институтов; г) легальное разграничение полномочий органов – по всем уровням;

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 18.07.2014 № 50 «О примирении сторон в арбитражном процессе» // Вестник экономического правосудия РФ. 2014. № 9.

д) политическая самостоятельность и активность граждан; е) приоритет государственных (национальных) интересов в тех или иных сферах экономики, культуры» [14, с. 496]. Под публичным интересом понимается интерес общества в целом, удовлетворение которого выступает условием его развития и существования, интерес, признанный государством и обеспеченный правом¹.

И. В. Филимонова и Х. М. Цутиева предлагают следующую дефиницию: публичный интерес можно определить как «взаимообусловленный не подлежащий ограничению не персонифицированный интерес общества и государства, признанный государством и охраняемый правом, представляющий собой конституционно значимую ценность, без которого невозможно существование общества и государства» [8, с. 19].

Таким образом, субъектами публичных интересов выступают государство, общество в целом и крупные социальные группы, а их реализация обеспечивается органами, наделёнными государственно-властными полномочиями.

Анализ действующего законодательства позволяет сделать вывод, что законодатель прямо не исключает возможность применения медиации для урегулирования споров в сфере торгов публичным имуществом. Можно согласиться с мнением А. С. Архипкиной, что «анализ понятия "публичные правоотношения" и категории "публичный интерес" позволяет говорить об определенном противоречии ч. 2 и ч. 5 ст. 1 ФЗ № 193-ФЗ, т. к., на наш взгляд, в публичном правоотношении всегда присутствует публичный интерес» [3, с. 18]. Указанное обуславливает необходимость углублённого анализа специфики применения медиации к рассматриваемой категории споров.

Особенности споров, связанных с торгов публичным имуществом, указывают на наличие повышенных рисков использования досудебной медиации и добровольно-

сти исполнения достигнутых договоренностей. Как верно отметила А. С. Архипкина, Закон о медиации закрепляет «модель проведения медиации, основанной на интересах, так называемой интегративной медиации, предполагающей совместную выработку сторонами решения, не только отвечающего интересам сторон, но и позволяющего говорить об эффективности стратегии сотрудничества *win-win*» [3, с. 18].

Применение медиации в досудебном порядке к таким спорам и заключение медиативного соглашения на взаимовыгодных условиях сопряжены с рисками нарушения прав третьих лиц и публичных интересов (в случае изменения существенных условий договора), возникновения коррупционных проявлений, отсутствия судебного контроля, а также с риском последующего оспаривания действительности медиативного соглашения. Закон о медиации не содержит специальных императивных норм для споров, связанных с распоряжением государственной и муниципальной собственностью, что порождает правовую неопределённость, учитывая, что такие соглашения по своей сути затрагивают публичные интересы и требуют повышенных гарантий законности. Указанное ставит под сомнение возможность применения общих положений Закона о медиации к публично-правовым спорам, поскольку публичный орган всегда действует в рамках установленной компетенции и ограничен правовыми предписаниями в выборе вариантов поведения.

Вызывает также вопросы возможность участия в качестве медиаторов по данной категории споров лиц, осуществляющих эту деятельность на непрофессиональной основе (достигших 18 лет, дееспособных, не имеющих судимости), поскольку они не обладают необходимым профильным образованием и не проходят специализированной подготовки.

Кроме того, учитывая значимость анализируемой категории споров, А. С. Архипкиной верно отмечена необходимость закрепления на законодательном уровне требования об обязательном

¹ Тихомиров Ю. А. Публичное право: учебник. М.: БЕК, 1995. С. 496.

участии в процедуре медиации только тех медиаторов, которые осуществляют свою деятельность на профессиональной основе и имеют соответствующую специализацию. По её мнению, в данном контексте полезно учитывать зарубежный опыт, например, «в Нидерландах еще в рамках пилотных проектов начала 2000-х гг. урегулирование налоговых споров могли осуществлять только сертифицированные медиаторы, прошедшие обучение, отвечающие требованиям налоговой службы (некоторые из них были внутренними медиаторами и являлись сотрудниками налоговых органов) и знакомые с фискальной материей. В США медиаторами становятся судьи и адвокаты, прошедшие специальную подготовку, что также служит подтверждением их профессионализма и компетентности» [3, с. 19].

Учитывая, что медиация является альтернативным способом примирения сторон, снижения административных барьеров и разгрузки судебной системы, можно говорить о потенциальной целесообразности её использования в спорах с участием государства. Однако для этого требуется внесение соответствующих изменений в действующее законодательство с учётом специфики публичных правоотношений. Целесообразным представляется внесение в Закон о медиации отдельной главы, регламентирующей порядок применения медиации в спорах с участием публично-правовых образований, в частности, в сфере торгов публичным имуществом.

Важно подчеркнуть, что внесудебная примирительная процедура может эффективно использоваться преимущественно в частноправовых спорах, где стороны обладают равным правовым статусом, а их отношения строятся на диспозитивных началах и регулируются нормами гражданского законодательства. В связи с этим предлагается закрепить норму, согласно которой процедура медиации по спорам, связанным с публичным имуществом, может проводиться исключительно после передачи спора на рассмотрение суда, а соглашение о её проведении должно заключаться в письменной форме путём за-

явления ходатайства. В этом случае достигнутое медиативное соглашение подлежит утверждению судом в качестве мирового соглашения в соответствии с требованиями процессуального законодательства.

Как отмечал Р. Е. Гукасян, «мировое соглашение представляет собой способ разрешения спора самими спорящими сторонами на взаимоприемлемых для них условиях» [15, с. 29].

В процессуально-правовой доктрине мировое соглашение рассматривается в качестве гражданско-правового договора, заключаемого сторонами на согласованных условиях в целях прекращения судебного спора и подлежащего обязательному утверждению судом [6; 7].

Полномочия органов, действующих от имени публично-правовых образований, в т. ч. по заключению гражданско-правовых договоров (к которым относится и мировое соглашение), строго определяются нормативными правовыми актами, регулирующими их статус и деятельность. Выход за пределы предоставленных полномочий недопустим. Данная позиция подтверждена судебной практикой. В п. 17 Постановления Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11¹ указано, что государственные и иные органы, используя примирительные процедуры, не вправе выходить за пределы полномочий, предоставленных им нормативными правовыми актами. Аналогичная правовая позиция содержится в п. 26 Постановления Пленума ВАС РФ № 50.

Сложившаяся судебная практика демонстрирует, что суды в целях недопущения обхода конкурентных процедур и произвольного распределения публичного имущества последовательно отказывают в утверждении мировых соглашений, если их условия нарушают принципы публичности, гласности и конкуренции, установленные антимонопольным законодательством², если мировые соглашения

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 09.12.2002 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС. 2003. № 2.

² Постановление Девятнадцатого арбитражного

содержат условия об изменении существенных условий договора (цена, срок, предмет)¹ или их условия нарушают права неопределённого круга лиц, например, потенциальных участников торгов².

Например, Арбитражный суд Западно-Сибирского округа при рассмотрении спора отказал в утверждении мирового соглашения, позволяющего заключить договор купли-продажи муниципального имущества победителю торгов по истечении установленного срока без проведения новых торгов³.

Арбитражный суд Уральского округа принял решение об отмене утверждённого мирового соглашения, в соответствии с которым арендодатель-муниципалитет необоснованно отказался от взыскания арендной платы, что нарушило бюджетные интересы публичного образования⁴.

апелляционного суда от 17.04.2015 по делу № А48-4809/2012 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.09.2025); Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.04.2017 по делу № А35-6534/2016 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 09.09.2025); Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 15.04.2019 по делу № А50-29963/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2025).

¹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.11.2023 по делу № А11-6281/2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2025); Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17.08.2022 по делу № А67-4710/2021 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2025); Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.02.2024 по делу № А58-956/2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2025).

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.03.2021 по делу № А70-11512/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2025); Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 17.08.2015 по делу № А11-8701/2014 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2025).

³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 03.03.2021 по делу № А70-11512/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2025).

⁴ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 28.04.2018 по делу № А07-30078/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/>

При этом в исключительных случаях суды утверждают мировые соглашения, если они не нарушают императивных норм и публичных интересов, а направлены на устранение технических ошибок или обеспечивают реальное исполнение обязательств в пользу публичного образования. Так, например, арбитражным судом утверждено мировое соглашение, по которому обеспечение обязательств по арендной плате перед бюджетом осуществляется через залог права аренды лесного участка, при этом суд учёл, что реализация этого права на торгах затруднена по объективным причинам (устаревшие данные лесоустройства), а интересы бюджета полностью обеспечены⁵.

С учётом сказанного органы не вправе согласовывать условия, противоречащие императивным требованиям закона, но могут действовать в пределах предоставленных им полномочий. Следовательно, свобода договора (ст. 421 ГК РФ) при заключении мирового соглашения с участием публичного образования существенно ограничена и обусловлена целями его участия в гражданском обороте и в судебном процессе. Суд при решении вопроса об утверждении мирового соглашения обязан проверить соблюдение порядка его заключения.

Заключение

Таким образом, применение общих норм гражданского законодательства о сделках и процессуальных норм об отказе в утверждении мирового соглашения в случае его противоречия закону или правам третьих лиц оказывается недостаточным для соглашений с участием публично-правовых образований. Их заключение должно быть прямо увязано с ограничениями, установленными в т. ч. антимонопольным законодательством.

(дата обращения: 09.09.2025).

⁵ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 29.04.2025 по делу № А67-9288/2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 09.09.2025).

Анализ практики показывает принципиальную позицию судов при утверждении мировых соглашений по спорам в сфере торгов публичным имуществом, соответствующую необходимой степени защиты публичных интересов, обеспечения конкуренции и недопущения коррупционных рисков. Указанное подтверждает целесообразность урегулирования споров с применением процедуры медиации в судебном порядке и утверждения судом медиативного соглашения в качестве мирового соглашения в соответствии с процессуальным законодательством.

Таким образом, вопрос о допустимости применения медиации в спорах в сфере торгов публичным имуществом порождает ряд сложностей, истоки которых кроются в специфике взаимодействия частного и публичного интересов, а также в особом статусе государства. Государство, обладая широкими ресурсными возможностями и особым порядком заключения соглашений, реализует свою право- и интересоспособность как в материальных, так и в процессуальных правоотношениях. Ключевой проблемой в данном случае

является механизм формирования воли частных субъектов при их взаимодействии с контрагентом, наделённым властными прерогативами.

Участие государства в цивилистическом процессе всегда подчинено цели защиты публичных интересов через уполномоченные органы и созданные ими юридические лица. Порядок разрешения дел с участием государства должен соответствовать принципам доступности правосудия, открытости и состязательности. В связи с этим применение медиации в спорах о торгах публичным имуществом должно в полной мере обеспечивать защиту и реализацию публичного интереса.

Предлагаемые изменения в законодательство позволят обеспечить соблюдение принципов законности и эффективности при распоряжении публичным имуществом, не лишая стороны преимуществ медиативной процедуры. Данная мера может рассматриваться как необходимая и взвешенная процессуальная гарантия в условиях повышенных требований к управлению публичными ресурсами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипкина А. С. К вопросу о возможности применения медиации в публично-правовых спорах // Государственная власть и местное самоуправление. 2022. № 3. С. 15–20. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-3-15-20
2. Васильковский Е. В. Учебник гражданского процесса. М.: Зерцало, 2003. 441 с.
3. Смагина Е. С. Участие государства в современном цивилистическом процессе. М.: Статут, 2021. 268 с.
4. Ясеновец И. А. Мировое соглашение в арбитражном процессе: актуальные проблемы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 29 с.
5. Рожкова М. А. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. М.: Статут, 2008. 530 с.
6. Филимонова И. В., Цутиева Х. М. К вопросу о проблеме определения понятия «публичный интерес» // Гуманитарные научные исследования. 2017. № 12. С. 21.
7. Гукасян Р. Е. Проблема интереса в советском гражданском процессуальном праве: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 1971. 185 с.
8. Попова Н. И. Проблемы правового регулирования и практики применения законодательства о медиации в Российской Федерации // Юрист. 2024. № 7. С. 59–66. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-7-59-66
9. Загайнова С. К. Комментарий к Федеральному закону «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)». М.: Инфотропик Медиа, 2012. 231 с.
10. Тихомиров Ю. А. Публичное право: падение и взлеты // Государство и право. 1996. № 1. С. 3–11.
11. Абакумова Е. Б. Медиация как альтернативный способ урегулирования споров // Вестник арби-

- тражной практики. 2024. № 3. С. 3–8. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-347-350
12. Ярков В. В. Мировое соглашение в конкурсном производстве // Юрист. 2002. № 11. С. 36.
13. Михайлова Е. В. Медиация и судебное примирение: проблема соотношения // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 8. С. 23–28. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-23-28
14. Научно-практический комментарий к ГПК РСФСР / под ред. Р. Ф. Каллистратова. М.: Юридическая литература, 1965. 512 с.
15. Кутарова М. А. Медиация как альтернативный способ разрешения споров, возникающих из гражданских правоотношений // Гражданское право. 2023. № 1. С. 27–30. DOI: 10.18572/2070-2140-2023-1-27-30

REFERENCES

1. Arkhipkina, A. S. (2022). On the Using Mediation Possibility in Public Law Disputes. In: *State Power and Local Self-government*, 3, 15–20. DOI: 10.18572/1813-1247-2022-3-15-20 (in Russ.).
2. Vaskovsky, E. V. (2003). *Textbook of Civil Procedure*. Moscow: Zerzalo publ. (in Russ.).
3. Smagina, E. S. (2021). *State Participation in the Modern Civil Process*. Moscow: Statute publ. (in Russ.).
4. Yasenovets, I. A. (2002). *Settlement Agreement in the Arbitration Process: Actual Problems of Theory and Practice*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
5. Rozhkova, M. A. (2008). *Contract Law: Agreements on Jurisdiction, International Jurisdiction, Conciliation Procedure, Arbitration (Arbitration), and Settlement Agreements*. Moscow: Statute publ. (in Russ.).
6. Filimonova, I. V. & Tsutieva, Kh. M. (2017). On the Problem of Defining the Concept “Public Interest”. In: *Humanities Scientific Researches*, 12, 21 (in Russ.).
7. Gukasyan, R. E. (1971). *The Problem of Interest in Soviet Civil Procedure Law*: [dissertation]. Moscow (in Russ.).
8. Popova, N. I. (2024). Problems of Legal Regulation and Practice of Mediation Legislation Application in the Russian Federation. In: *Lawyer*, 7, 59–66. DOI: 10.18572/1812-3929-2024-7-59-66 (in Russ.).
9. Zagainova, S. K. (2012). *Commentary on the Federal Law “On an Alternative Dispute Settlement Procedure with the Participation of an Intermediary (Mediation Procedure)”*. Moscow: Infotropic Media Publ. (in Russ.).
10. Tikhomirov, Yu. A. (1996). Public law: fall and rise. In: *State and law*, 1, 3–11 (in Russ.).
11. Abakumova, E. B. (2024). Mediation as an alternative method of dispute settlement. In: *Bulletin of arbitration practice*, 3, 3–8. DOI: 10.24412/2076-1503-2024-5-347-350 (in Russ.).
12. Yarkov, V. V. (2002). Settlement in bankruptcy proceedings. In: *Lawyer*, 11, 36 (in Russ.).
13. Mikhailova, E. V. (2023). Mediation and Judicial Reconciliation: The Problem of Correlation. In: *Arbitrazh and Civil Procedure*, 8, 23–28. DOI: 10.18572/1812-383X-2023-8-23-28 (in Russ.).
14. Kallistratov, R. F., ed. (1965). *Scientific and Practical Commentary on the Code of Civil Procedure of the RSFSR*. Moscow: Legal literature publ. (in Russ.).
15. Kutarova, M. A. (2023). Mediation as an Alternative Way to Resolve Disputes Arising From Civil Legal Relations. In: *Civil Law*, 1, 27–30. DOI: 10.18572/2070-2140-2023-1-27-30 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Королев Евгений Валерьевич (г. Москва) – начальник управления правового, документационного и кадрового обеспечения Государственного университета просвещения;
ORCID: 0009-0001-8926-1287; e-mail: korolev@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeny V. Korolev (Moscow) – Head of the Department, Department of Legal, Documentation and Personnel Support, Federal State University of Education;
ORCID: 0009-0001-8926-1287; e-mail: korolev@list.ru

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-2-60-68

КОРРУПЦИЯ: РЕЗИСТЕНТНОСТЬ СОЦИУМА

Иншаков С. М.¹, Казакова В. А.^{2*}

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, г. Москва, Российская Федерация

²Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Российская Федерация,

*Корреспондирующий автор, e-mail: vera1313@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.10.2025

После доработки 24.10.2025

Принята к публикации 05.11.2025

Аннотация

Цель. Рассмотреть феномен восприятия коррупции в обществе, проанализировать уровень негативизма граждан по отношению к коррупционным проявлениям, определить антикоррупционный потенциал социума.

Процедура и методы. Проведено анкетирование граждан России по вопросу о наказуемости коррупционных преступлений. Иллюстрируется зависимость антикоррупционного потенциала социума от социально-исторических условий.

Результаты. Показан механизм формирования противоречия между отрицанием коррупции населением и государственной антикоррупционной политикой.

Теоретическая и/или практическая значимость. Представлена комплексная аналитическая методика, включающая изучение общественного мнения, антикоррупционного законодательства и судебной практики борьбы с коррупцией, для корректировки государственной политики противодействия преступности, уголовного законодательства, формирования рекомендаций для судебной практики.

Ключевые слова: антикоррупционный потенциал социума, взяточничество, коррупция, превышение должностных полномочий, уголовные наказания за коррупцию

Для цитирования:

Иншаков С. М., Казакова В. А. Коррупция: резистентность социума // Московский юридический журнал. 2025. № 2. С. 60–68. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-60-68>.

Original research article

CORRUPTION: RESISTANCE OF SOCIETY

S. Inshakov¹, V. Kazakova^{2*}

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian Federation

²National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

*Corresponding author, e-mail: vera1313@yandex.ru

© CC BY Иншаков С. М., Казакова В. А., 2025.

Received by the editorial office 07.10.2025

Revised by the author 24.10.2025

Accepted for publication 05.11.2025

Abstract

Aim. To consider the phenomenon of corruption perception in society, to analyze the level of citizens' negativism in relation to corruption manifestations, and to determine the anti-corruption potential of society.

Methodology. A questionnaire was conducted among Russian citizens on the issue of the guiltiness of corruption crimes. The dependence of the anti-corruption potential of society on social-historical conditions is illustrated.

Results. The mechanism of forming a contradiction between the denial of corruption by the population and the state anti-corruption policy is shown.

Research implications. A comprehensive analytical methodology was presented, including the study of public opinion, anti-corruption legislation and judicial practice of the fight against corruption, to adjust the state policy of combating crime, criminal legislation, and the formation of recommendations for judicial practice.

Keywords: anti-corruption potential of society, bribery, corruption, abuse of official authority, criminal penalties for corruption

For citation:

Inshakov, S. M., Kazakova, V. A. (2025). Corruption: Resistance of Society. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 60–68. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-60-68>.

Введение

В относительно развитом обществе у абсолютного большинства населения коррупция вызывает негативные эмоции, в результате чего формируется отрицательное отношение к ней. Причины этого негативизма могут быть различные: жадность, зависть, желание самому приобщиться к незаконному источнику дохода. В отдельных случаях негативизм может основываться на социально-политических оценках. Например, если в результате коррупции страна проигрывает войну, это вызывает всеобщее возмущение. Интенсивность этих антикоррупционных эмоций, степень негативизма отношения к коррупции в различных социумах не одинаковы. Эта интенсивность варьирует от безразличия до ненависти и готовности к масштабным акциям протеста. Да и в одном и том же обществе этот показатель может изменяться в зависимости от исторических условий. Уровень негативизма можно определить как антикоррупционный потенциал социума.

Коррупция и её влияние на общественное развитие

В первом приближении логично предположить, что чем выше уровень негатив-

ного отношения к коррупции, тем лучше. Конечно, отрицание коррупции – это позитивный процесс, однако эффект во многом зависит от социально-экономических условий, на фоне которых формируется отношение. Можно констатировать, что при гармоничном реагировании на коррупцию различных социальных групп, прослоек и классов высокий уровень негативизма приводит к позитивным результатам. Возникает феномен тотального отрицания коррупции, что достаточно редкое явление. Если в обществе удаётся его сформировать, то это, как правило, приводит к очень низким показателям коррупции. Её проявления приобретают единичный характер, вызывают возмущение всех граждан, в отношении коррупционеров принимаются действенные меры. В жёстких мерах реагирования в данном социуме нет необходимости.

Такое гармоничное общество удалось создать Ли Куан Ю в Сингапуре, который вошёл в историю как Геракл, расчистивший «Авгиевы конюшни» от взяточничества, казнокрадства и иных коррупционных деяний [1]. Достаточно высоких показателей в этом отношении удалось добиться в Швейцарии, Германии, Финляндии, Швеции [2]. Весьма

успешно приближается к такому состоянию Китайская Народная Республика [3].

Совершенно иная картина складывается в тех странах, где отмечается социальный диссонанс. Одни социальные группы погрязли в коррупции, другие – попустительствуют этому, а народные массы кипят от возмущения, и уровень антикоррупционного негативизма в их среде зашкаливает. Такой диссонанс формирует революционную ситуацию. В лучшем случае – массовые акции протеста, а при неблагоприятных условиях – революционные события и даже гражданскую войну.

Через всё это Россия проходила в 1905–1907 гг., да и революционные события 1917 г. тоже в немалой степени были связаны с поражениями нашей страны на фронтах Первой мировой войны. Причины этих поражений были связаны с недостатком материального обеспечения войск, в генезисе которых немалую роль играла коррупция.

Вот как характеризовался один из аспектов коррупции того времени: «Частные предприятия наживались на всем. В том числе и на производстве оружия и боеприпасов. Стоимость любого военного заказа на частных предприятиях ВПК превышала стоимость такого же заказа на казенных заводах в десятки, а то и сотни раз. Доля их участия в общем оборонном заказе на самом деле оказалась ничтожной. Начальник Главного артиллерийского управления генерал Маниковский писал: "От военно-промышленного комитета не получил ни одного снаряда"».

В ходе исследования коррупционных процессов была выдвинута гипотеза о том, что противоречия между распространённым в широких массах отрицанием коррупции и государственной антикоррупционной политикой могут быть терпимы лишь до определённого уровня. Если эти противоречия достигают критической величины, страна оказывается на грани социальных катаклизмов. Президент, администрация президента и специальные органы должны отслеживать эти параметры и своевременно принимать меры к

снижению указанного уровня противоречий.

В данной работе предпринята попытка разработки комплексной аналитической методики, основанной на изучении общественного мнения, оценок специалистов и сопоставлении этих показателей с качественными характеристиками антикоррупционного законодательства, а также с показателями правоохранительной деятельности и судебной практики.

Антикоррупционный потенциал социума и его уровни

На первом этапе разработки методики было сформулировано понятие «потенциал антикоррупционных возмущений социума». Под этим потенциалом понимается постепенное накопление в обществе готовности к протестным действиям в связи с неудовлетворённостью, во-первых, состоянием коррупции (слишком высокий уровень), а во-вторых, негативным отношением к антикоррупционной государственной практике (к тому, что значительное количество коррупционеров остаётся безнаказанным).

Этот феномен корректно рассматривать как одну из граней, как один из элементов антикоррупционного потенциала социума. Этот элемент является движущей силой социального протеста против коррупции. В этом ракурсе он может быть оценен позитивно. Однако этот элемент таит скрытые опасности, как для государства, так и для общества, – высокий уровень этого потенциала может проявиться в социальных деструкциях.

С определённой долей условности целесообразно выделить 5 уровней этого потенциала: нулевой, низкий, средний, высокий, критический.

Нулевой уровень потенциала антикоррупционных возмущений характерен для стран с отсталой экономикой, низким уровнем политической культуры и жёстким авторитарным политическим режимом. Такие страны можно найти в Африке, Южной Азии.

Низкий и средний уровень этого потенциала – вполне благоприятный показатель гармоничности социальной жизни и достаточно развитой политической культуры противодействия коррупции. Там, где государство, ориентируясь на национальные интересы и общественные запросы, проводит последовательную достаточно жёсткую и эффективную антикоррупционную политику, в социальных протестах нет необходимости. Соответственно, протестный потенциал не накапливается, а возникнув, реализуется в тех или иных социальных акциях (в выступлениях в средствах массовой информации, в отказе доверия политикам на выборах, дискредитации коррупционеров, влекущей их политическую смерть и т. п.). Развитая политическая культура общества – самый лучший способ предотвратить трансформацию социальной энергии масс в деструктивные политические акции.

Высокий уровень общественного протестного потенциала, связанного с коррупцией, – это сигнал государственным руководителям о том, что проводимая ими антикоррупционная политика не соответствует интересам людей. Она отличается низким уровнем эффективности, далека от справедливости. При грамотном политическом руководстве такой показатель должен вызвать радикальные трансформации государственной политики, ориентированной на искоренение коррупционных пороков. Конечно, высокий потенциал антикоррупционных возмущений – ещё не революционная ситуация, но надо иметь в виду, что трансформация высокого уровня в критический момент может происходить очень быстро, особенно если этому способствует какое-то негативное событие, выполняющее роль триггера в революционных катаклизмах.

Критический уровень потенциала социальных возмущений – зона пониженной управляемости социума. Политики уже не контролируют большинство социальных процессов. Общество готово к вспышке общественных протестов, и даже незначительного повода может оказаться до-

статочно для того, чтобы страна погрузилась в хаос. Только слабые политические деятели (например, Николай II.) могут позволить себе такую роскошь, как критический уровень протестного потенциала. Но даже в такой сложной и драматической ситуации сильные политические деятели (П. А. Столыпин) могут понизить уровень протестного потенциала. Искусство политика может заключаться в том, чтобы сделать это с минимумом репрессий, что вполне удалось вошедшему в историю премьер-министру Российской империи.

Надо заметить, что значение имеет не только уровень протестного потенциала. Его трансформация от низкого к среднему и от среднего к высокому – это весьма тревожная тенденция, которая должна не просто насторожить политических деятелей, но и побудить их к проведению социальных реформ.

Отношение граждан к наказуемости коррупционных преступлений

Вторым этапом нашего анализа было социологическое исследование. В целях анализа потенциала антикриминальных возмущений российского общества проведён опрос граждан России об отношении к наказуемости коррупционных деяний. В анонимном анкетировании приняли участие 458 чел. Основная цель опроса заключалась в выявлении уровня потенциала антикоррупционных возмущений социума в современном российском обществе.

Разнообразие в отношении к коррупции, степени терпимости к ней, готовности противостоять зависит от многого – социально-демографических характеристик личности, среды общения, региона проживания, социально значимых событий (например, проведения Специальной военной операции, переживания пандемии и т. п.). Оно формируется под влиянием представлений о её уровне, видах, сферах реализации, «эффективности» участия в коррупционных схемах, а также о ответственности принимаемых государством мер борьбы с коррупцией.

Тот или иной аспект коррупционных взаимоотношений затрагивает практически любого человека. Ситуации, при которых таким образом удаётся достичь своих целей и при этом остаться безнаказанным, дают импульс к более смелым аналогичным действиям и формируют привычку к решению вопросов путём дачи или получения взятки, злоупотребления служебными полномочиями, служебного подлога и т. п. Такое мировоззрение складывается не только благодаря своему опыту, но и в результате наблюдения за другими лицами в своём окружении. Как гласит древняя китайская притча: «Посеешь поступок – пожнешь привычку, посеешь привычку – пожнешь характер, посеешь характер – пожнешь судьбу».

Неравенство, присущее любому обществу, порождает стремление к уравниванию количества благ и возможностей (экономических, социальных, культурных, психологических и т. п.) как «быть», так и в плане «казаться». Нередко для лица важно не столько иметь определённый уровень бытия, сколько создать у окружающих впечатление такового. В этой связи материальное бытие часто неотделимо от идеального [4]. Стремления к богатству, власти, могуществу, превосходству нередко совпадают [5].

По мнению философов, связь богатства и власти закономерна: «Богатство как опыт власти над вещами первоначально связано с управлением имуществом, а затем это навык упорядочивания и распоряжения переходит на управление людьми и институтами. Так появляются такие социальные фигуры, как "хозяин", "финансовый магнат", "олигарх", в сферу власти которых начинают входить множество людей, интересов, институтов» [6].

Поиск способов их приобретения не всегда связан с законными средствами. Осознание неравенства – нередко детерминанта имущественного преступления [7, с. 55]. Человек склонен некритично относиться к выбору путей достижения цели, оправдывать их значимостью результата, толерантностью окружающих к таким

средствам, ссылкой на отсутствие условий для правомерного поведения.

Коррупционно благоприятная среда складывается во многих сферах общественной жизни. Самое распространённое коррупционное преступление – взяточничество в широком его понимании – нередко выражено обоюдовыгодной сделкой [8]. Примирение с такими поступками порождает общую терпимость к коррупции, в первую очередь, низовой, бытовой, оцениваемой как неотъемлемый элемент общественных отношений, помогающий решать вопросы медицины, образования, жилищно-коммунальной сферы [9].

По-иному формируется восприятие коррупции на уровне деятельности структур власти, особенно судебной, государственного управления, экономики, т. к. вовлечённость населения в эти отношения гораздо ниже. Осознание неизмеримо большего ущерба и отсутствие бенефициариев среди людей, не являющихся субъектами принятия решений в этих сферах, формирует нетерпимое отношение к коррупции и желание противодействия ей.

69,3% опрошенных полагают, что большинство коррупционных деяний остаются безнаказанными. Это высокая цифра. Она показывает, что абсолютное большинство в обществе не удовлетворено тем, как государство реагирует на факты коррупции. Исследование проводилось в течение двух последних лет. Это позволило хотя бы приблизительно уловить динамику: по сравнению с 2024 г. в 2025 г. этот показатель возрос на 2%. Конечно, эта цифра может оказаться в пределах статистической погрешности.

Задача данного исследования заключалась главным образом в разработке социологической методики. Авторы полагают, что исследование такого рода должен проводить на регулярной основе специализированный научный центр.

К числу лиц, полагающих, что коррупционеры остаются безнаказанными, следует добавить респондентов, которые ответили, что примерно половина коррупционеров остаётся безнаказанными (18,4%), а также

лиц, которые считают, что все коррупционеры остаются безнаказанными (4,4%). Итоговая цифра получилась весьма значительной – 92,1%. Если этот показатель сопоставить с событиями, которые произошли в нашей стране 22–24 июня 2023 г. (мятеж воинского формирования под руководством Пригожина), то уровень протестного потенциала вполне корректно оценить как высокий.

Как успешную оценивают борьбу с коррупцией лишь каждые 3 из 100 ответивших на такой вопрос. Бытовая коррупция гораздо более латентна в силу её «обыденности» – большей распространённости, меньшей тяжести последствий, терпимости окружающих к её проявлениям. Поэтому лишь 3,2% опрошенных считают, что наказание за коррупционные деяния почти всегда настигает виновного.

Несколько иные результаты по вопросу о наказуемости высокопоставленных коррупционеров. С тем, что они остаются безнаказанными, согласна половина опрошенных, ещё более четверти скорее согласны с таким утверждением, что в сумме составляет 76%. Чаще всего в средства массовой информации попадают высокорезонансные факты выявления многомиллионных хищений, взяточничества, иных экономических и должностных преступлений, что порождает иллюзию, что скрытые преступления и наличие подозреваемых всегда заканчиваются справедливым приговором. Гораздо реже появляются сведения о результатах судебно-следственной деятельности, закончившейся назначением наказания.

Уголовный кодекс Российской Федерации предоставляет широкий спектр реагирования на преступные деяния. Это достаточно большой выбор вида наказания – от штрафа до максимальных сроков лишения свободы. Так, например, оба наказания альтернативно включены в санкции ч. 1 и ч. 2 ст. 286 УК РФ «Превышение должностных полномочий». Это преступление с более весомымиотягчающими обстоятельствами должно повлечь лишение свободы.

Многие квалифицированные составы сконструированы законодателем как сложные (многообъектные и, соответственно, содержащие различные дополнительные последствия, в т. ч. смерть потерпевшего или причинение тяжкого вреда его здоровью), что исключает дополнительную квалификацию по преступлениям против личности. Судебная практика не всегда идёт по этому пути, нередко вменяя в вину совокупность преступлений. В доктрине также есть разные мнения по природе составных преступлений [10]. Однако следует признать, что наличие в санкции длительных сроков лишения свободы в таких преступлениях вполне справедливо.

Обычно, отвечая на вопрос о наказуемости коррупционных преступлений, опрашиваемые не предполагают широкого спектра последствий от ущерба экономическим отношениям, собственности до причинения вреда здоровью, лишения жизни, урона государственной безопасности. Поэтому 62,7% считают, что справедливо применение только реального лишения свободы, около трети полагают, что лишение свободы должно предусматриваться в альтернативе с наказаниями без изоляции от общества, и лишь 6,3% высказались о нецелесообразности изоляции от общества.

Глава Национального антикоррупционного комитета, член Совета по правам человека при Президенте России К. Кабанов, предлагая увеличение срока лишения свободы за мелкое взяточничество, вспоминает о нескольких эпизодах преступления, когда террористки-смертницы за незначительную взятку смогли попасть на борт нескольких самолетов, результатом чего стала гибель более 400 чел. Он же считает, что «любые проявления коррупции надо приравнять к измене Родине и ввести ответственность от 10 до 25 лет без права выйти по УДО и амнистии». Судебно-следственная практика показала, что одна из самых опасных современных сфер проявления коррупции – вооружённые силы и оборонная промышленность.

Опрос относительно видов наказаний показал востребованность не только тех, которые предусмотрены в санкциях коррупционных составов, но и иных. Их соотношение также отличается от применяемых судом. Суммарно доли в ответах превышают 100%, т. к. каждый респондент мог выбрать любые виды наказаний из предложенного списка. Условное назначение наказания за коррупционное преступление почти половина респондентов воспринимают как безнаказанность, столько же допускают его использование в зависимости от обстоятельств, лишь 3,8% выбирают его как преимущественное.

71,5% опрошенных выступают за запрет занимать определённую должность или заниматься определённой деятельностью, 67,7% отметили реальное лишение свободы, 29,7% считают достаточными также наказания, связанные с обязательным трудом без лишения свободы. Несмотря на то, что 44,3% выбрали штраф как возможное наказание, лишь 13,0% считают его преимущественным, 42,8% допускают штраф при наличии смягчающих обстоятельств в редких случаях, а 44,2% воспринимают такое наказание как безнаказанность.

Закономерно многие высказались за конфискацию имущества, которая известна российскому законодательству ещё со времен Русской правды [11]. Длительное время она функционировала в нашей стране как эффективный инструмент борьбы со взяточничеством и хищениями государственного имущества. В современном уголовном законодательстве эта мера в качестве иной применяется недостаточно эффективно в силу её ограниченной правовой природы. 66,5% считают необходимым восстановление конфискации имущества в качестве обязательного дополнительного наказания, и 28,5% – с формулировкой в санкции «с конфискацией или без тако-

вой». Лишь 8,9% полагают ее нецелесообразной.

Непопулярность самых строгих наказаний (пожизненное лишение свободы и смертная казнь), за которые высказались 19,6% и 11,4%, в основном связана с недооценкой последствий коррупции, которая в обыденном сознании связана с посягательством лишь на управленческие отношения и собственность. В связи с этим в литературе высказывались предложения о криминализации взяточничества как способа совершения преступления против конституционного строя и безопасности государства [12; 13] либо о конструкции квалифицированных составов взяточничества как материальных с указанием на наступление тяжких последствий. Именно с учётом оценки коррупционных преступлений как обладающих наивысшей степенью общественной опасности, китайский законодатель с 1985 г. включает в санкцию за них высшую меру наказания – смертную казнь с возможностью отсрочки для возмещения ущерба [14].

Заключение

Проведённое исследование позволило получить ряд весьма значимых результатов:

1. на современном историческом этапе уровень потенциала антикоррупционных возмущений российского социума корректно оценить как высокий (или приближающийся к высокому);

2. представленную методику анализа уровня протестного антикоррупционного потенциала целесообразно реализовать в широкомасштабных исследованиях специального научного подразделения;

3. уголовное законодательство, правоохранительная и судебная практика должны быть скорректированы в целях снижения уровня указанного потенциала антикоррупционных возмущений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунаев А. М. Опыт борьбы с коррупцией в Южной Корее и Сингапуре // Управленческое консультирование. 2018. № 3. С. 65–71.

2. Надежин А. Д., Пеньковцев Р. В. Европейское сотрудничество по борьбе с коррупцией // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2021. Вып. 4. № 4. С. 34–41. DOI: 10.53598/2410-3691-2021-4-289-34-41
3. Просеков С. А., Головлев Р. В. Борьба с коррупцией в современном Китае // Манускрипт. 2021. № 5. С. 922–927. DOI: 10.30853/mns210185
4. Гуртовцев А. Л. Материя и отношения. Диалектика материального и идеального: [Электронный ресурс]. URL: <https://portalnp.snauka.ru/2023/09/11104> (дата обращения: 10.04.2025).
5. Вальцев С. В. Философско-психологические основания стремления к власти // Проблемы науки. 2012. № 2. С. 37–43.
6. Соловьева С. В. Богатство и собственность как опыт власти над вещами // Вестник СамГУ. 2009. № 67. С. 3–10.
7. Лунеев В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. М.: Юрлитинформ, 2014. 315 с.
8. Иванова А. А. Виктимологический аспект коррупционной сделки // Russian Journal of Economics and Law. 2015. № 4. С. 253–260. DOI: 10.21202/1993-047X.09.2015.4.253–260
9. Мосягин Д. В. Толерантность общества к коррупции как социальная норма // Вестник науки. 2025. № 4. С. 520–525.
10. Соколова О. В., Степанова И. Б. Некоторые вопросы квалификации превышения должностных полномочий (в контексте новой редакции ст. 286 УК РФ) // Право и практика. 2022. № 4. С. 120–125. DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-120-125
11. Кулиш М. М. История развития института конфискации имущества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 137–139.
12. Казакова В. А., Ковалев Н. Д. Уголовная ответственность за взяточничество через призму обеспечения государственной безопасности // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 186–190.
13. Казакова В. А. Учет многообъектности коррупционных преступлений в уголовной политике Российской Федерации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2017. № 1. С. 101–107.
14. Лю Жэньвэнь, Севальнев В. В. Изменение правил квалификации и назначения наказания за коррупционные преступления по уголовному законодательству Китайской Народной Республики // Правоведение. 2019. Т. 63. № 2. С. 228–239. DOI: 10.21638/spbu25.2019.202

REFERENCES

1. Shunaev, A. M. (2018). Experience in Confronting Corruption in South Korea and Singapore. In: *Administrative Consulting*, 3, 65–71 (in Russ.).
2. Nadezhin, A. D. & Penkovtsev, R. V. (2021). European Cooperation Against Corruption. In: *Bulletin of the Adyge State University. Series: Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Science, Culturology*, 4 (4), 34–41. DOI: 10.53598/2410-3691-2021-4-289-34-41 (in Russ.).
3. Prosekov, S. A. & Golovlev, R. V. (2021). The Fight Against Corruption in Modern China. In: *Manuscript*, 5, 922–927. DOI: 10.30853/mns210185 (in Russ.).
4. Gurtovtsev, A. L. *Matter and Relations. Dialectics of Material and Ideal Things*. URL: <https://portalnp.snauka.ru/2023/09/11104> (accessed: 10.04.2025) (in Russ.).
5. Valtsev, S. V. (2012). Philosophical and Psychological Foundations of the Desire for Power. In: *Problems of Science*, 2, 37–43 (in Russ.).
6. Solovyova, S. V. (2009). Wealth and Property as an Experience to Dominate Things. In: *Vestnik of Samara State University*, 67, 3–10 (in Russ.).
7. Luneev, V. V. (2014). *The Origins and Vices of Russian Criminal Lawmaking*. Moscow: Yurлитinform publ. (in Russ.).
8. Ivanova, A. A. (2015). Victimological Aspect of a Corruption Transaction. In: *Russian Journal of Economics and Law*, 4, 253–260. DOI: 10.21202/1993-047X.09.2015.4.253–260 (in Russ.).
9. Mosyagin, D. V. (2025). Tolerance of Society to Corruption as a Social Norm. In: *Bulletin of Science*, 4, 520–525 (in Russ.).
10. Sokolova, O. V. & Stepanova, I. B. (2022). Some Issues of Qualification of Authority Excess (In the Context of the New Version of Article 286 of the Criminal Code of the Russian Federation). In: *Law and*

- Practice*, 4, 120–125. DOI: 10.24412/2411-2275-2022-4-120-125 (in Russ.).
11. Kulish, M. M. (2017). History of the Development of the Institution of Confiscation of Property. In: *Humanities, Socio-Economic and Social Sciences*, 6–7, 137–139 (in Russ.).
 12. Kazakova, V. A. & Kovalev, N. D. (2017). Criminal Liability for Bribery Through the Prism of Ensuring State Security. In: *Economic Problems and Legal Practice*, 6, 186–190 (in Russ.).
 13. Kazakova, V. A. (2017). Considering the Multi-Object Nature of Corruption Crimes in the Criminal Policy of the Russian Federation. In: *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and Teaching*, 1, 101–107 (in Russ.).
 14. Liu Renwen & Sevalnev, V. V. (2019). Changing the Rules for Qualification and Sentencing for Corruption Crimes Under the Criminal Law of the People's Republic of China. In: *Jurisprudence*, 63-2, 228–239. DOI: 10.21638/spbu25.2019.202 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Инишаков Сергей Михайлович (г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры национальной безопасности и правоохранительной деятельности Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: insmi@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6412-4633

Казакова Вера Александровна (г. Москва) – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовно-правовых дисциплин Института международного права и правосудия Московского государственного лингвистического университета; главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступлениям коррупционной направленности Научно-исследовательского центра по исследованию проблем противодействия преступности в сфере экономики Всероссийского научно-исследовательского института МВД России;
e-mail: vera1313@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7453-6201

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sergey M. Inshakov (Moscow) – Dr. Sci. (Law), Prof., Prof., Department of National Security and Law Enforcement, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University;
e-mail: insmi@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6412-4633

Vera A. Kazakova (Moscow) – Dr. Sci. (Law), Prof., Head of the Department, Department of Criminal Law Disciplines, Institute of International Law and Justice, Moscow State Linguistic University; Chief Researcher in the Department for the Study of Operational Investigative Support for Combating Corruption-Related Crimes, the Research Center for the Study of Problems of Combating Crime in the Economic Sphere, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation;
e-mail: vera1313@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-7453-6201

Научная статья

УДК 343.9

DOI: 10.18384/2949-513X-2025-2-69-77

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЭЛЕКТРОННОЙ ЦИФРОВОЙ ПОДПИСИ В ЦЕЛЯХ ОПТИМИЗАЦИИ РАБОТЫ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТОВ

Черепенько Г. В.

Государственный университет просвещения, г. Москва, Российская Федерация

e-mail: g.cherepenko@sudexpa.ru

Поступила в редакцию 11.07.2025

После доработки 16.08.2025

Принята к публикации 27.08.2025

Аннотация

Цель. Изучить современное законодательство Российской Федерации и организационные формы производства судебной экспертизы с точки зрения возможности использования электронной цифровой подписи для подписания заключения эксперта.

Процедура и методы. Рассмотрены текущие положения федеральных и внутриведомственных нормативно-правовых источников, регулирующих судебно-экспертную деятельность в Российской Федерации. Использован системный метод анализа возможности применения электронной цифровой подписи для подписания заключения эксперта в условиях текущих правовых реалий.

Результаты. В ходе исследования установлено, что в настоящее время нет каких-либо сдерживающих факторов, которые могли бы ограничить судебных экспертов в использовании электронной цифровой подписи для процессуально верного оформления заключения эксперта. Выявлены существенные плюсы для такой формы подписания заключения, которые связаны со снижением срока производства экспертиз, повышением мобильности межрегионального взаимодействия судебных, следственных и экспертных органов, снижением транспортных, почтовых и логистических расходов, которые несут стороны и федеральный бюджет при назначении экспертиз, снижением вероятности повреждения хрупких и ветхих объектов судебной экспертизы.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в практику производства судебной экспертизы, развивают возможности цифрового документооборота в системе судебных и следственных органов, а также судебно-экспертных учреждений, способствуют дальнейшей цифровизации судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации.

Ключевые слова: заключение эксперта, судебная экспертиза, электронная цифровая подпись

Для цитирования:

Черепенько Г. В. Использование электронной цифровой подписи в целях оптимизации работы судебных экспертов // Московский юридический журнал. 2025. № 2. С. 69–77. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-69-77>.

Original research article

USE OF AN ELECTRONIC DIGITAL SIGNATURE TO OPTIMIZE THE WORK OF FORENSIC EXAMINERS

G. Cherepenko

Federal State University of Education, Moscow, Russian Federation

e-mail: g.cherepenko@sudexpa.ru

© CC BY Черепенько Г. В., 2025.

Received by the editorial office 11.07.2025

Revised by the author 16.08.2025

Accepted for publication 27.08.2025

Abstract

Aim. To analyze the current legislation of the Russian Federation and organizational forms of forensic examination in terms of the possibility of using an electronic digital signature to sign an expert report.

Methodology. The current provisions of federal and intradepartmental regulatory and legal sources governing forensic activities in the Russian Federation are analyzed. A systematic method was used to analyze the possibility of using an electronic digital signature to sign an expert report in the context of current legal realities.

Results. The study found that there are no restraining factors now that could limit forensic experts in using an electronic digital signature for the procedurally correct execution of an expert report. Significant advantages have been identified for this form of signing the report which are associated with a reduction in the time required to produce expert assessments, an increase in the mobility of interregional interaction between judicial, investigative and expert bodies and a reduction in transport, postal and logistics costs which are borne by the parties and the federal budget when appointing examinations, reducing the likelihood of damage to fragile and dilapidated objects of forensic examination.

Research implications. The results of the research contribute to the practice of forensic examination, develop the possibilities of digital document management in the system of judicial and investigative authorities and forensic institutions, and promote further digitalization of forensic activities in the Russian Federation.

Keywords: expert report, forensic examination, electronic digital signature

For citation:

Cherepenko, G. V. (2025). Use of an Electronic Digital Signature to Optimize the Work of Forensic Examiners. In: *Moscow Juridical Journal*, 2, 69–77. <https://doi.org/10.18384/2949-513X-2025-2-69-77>.

Введение

Вопросы цифровизации судебно-экспертной деятельности неоднократно поднимались в отечественной науке [8], и, учитывая скорость и тенденции развития цифровых технологий, они представляются весьма актуальными. Помимо аспектов, связанных с непосредственным исследованием цифровых следов, определённого внимания заслуживает трансформация организационно-правовых аспектов, связанных с производством судебных экспертиз.

На сегодняшний день использование электронных цифровых подписей (ЭЦП) вошло в отечественное делопроизводство повсеместно и затронуло различные области документооборота. Они используются для удостоверения документов государственных органов и лиц, физических и юридических лиц, в рамках цифрового документооборота и при оформлении бумажной документации.

В соответствии с положениями ст. 5 ФЗ № 63-ФЗ¹ различаются усиленная неквалифицированная электронная подпись (НЭП) и усиленная квалифицированная электронная подпись (КЭП). Данные виды ЭЦП отличаются друг от друга степенью надёжности и устойчивости к возможным вмешательствам с целью их подделки или имитации.

Анализ процессуального законодательства

Рассматривая гражданское процессуальное законодательство, следует отметить, что в некоторых случаях предусмотрена возможность подачи документов, заверенных электронной подписью.

Например, такие документы, как исковое заявление, заявление, жалоба, представление и т. д., могут быть подписаны НЭП только в том случае, если они по-

¹ Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС Консультант Плюс.

даются посредством единого портала государственных и муниципальных услуг, информационной системы, определённой Верховным Судом Российской Федерации, Судебным департаментом при Верховном Суде Российской Федерации. В случае же, если исковое заявление, заявление, жалоба, представление или иные документы подаются посредством систем электронного документооборота участников процесса, они должны быть подписаны КЭП. Указанные обстоятельства находят своё отражение в п. 1.1 ч. 1 ст. 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации.

Анализ нормативно-правовых норм гражданского процесса также показывает, что использование КЭП обязательно при подаче электронных документов, которые содержат ходатайство (ч. 1 ст. 131 ГПК РФ) или заявление (ч. 1 ст. 139 ГПК РФ) об обеспечении иска, заявление организации или гражданина о принятии предварительных обеспечительных мер, направленных на обеспечение защиты авторских или смежных прав (ч. 1 ст. 144.1 ГПК РФ), ходатайство о приостановлении исполнения решения суда до окончания производства в суде кассационной инстанции (ч. 1 ст. 381 ГПК РФ), ходатайства о приостановлении исполнения решения суда до окончания производства в суде надзорной инстанции (ч. 1 ст. 391.5 ГПК РФ).

Если обратиться к арбитражно-процессуальному законодательству Российской Федерации, то в ч. 7 ст. 4 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации предусмотрена возможность подписания электронных документов посредством НЭП и КЭП, аналогичная таковой в гражданском процессуальном законодательстве.

Более того, законодатель отмечает, что только посредством использования КЭП могут быть подписаны судебный акт, за исключением акта, содержащего сведения, составляющие государственную или иную охраняемую законом тайну, если дело рассмотрено в закрытом судебном заседании (ч. 5 ст. 15 АПК РФ), подпись свидетеля,

эксперта и переводчика (за дачу заведомо ложных показаний или отказ от дачи показаний), допрос которых осуществляется посредством веб-конференции (ч. 4 ст. 153.2 АПК РФ), заявление об обеспечении имущественных интересов, подаваемое в электронном виде, также подписывается с помощью КЭП (ч. 1 ст. 99 АПК РФ), апелляционная жалоба, подаваемая в электронном виде и содержащая ходатайство об обеспечении иска (ч. 1 ст. 260 АПК РФ), ходатайство о приостановлении исполнения судебных актов, подаваемое в электронном виде (ч. 1 ст. 265.1 АПК РФ), кассационная жалоба, подавая в электронном виде и содержащая в себе ходатайство об обеспечении иска (ч. 1 ст. 277 АПК РФ), исполнительный лист, направляемый судом в форме электронного документа (ч. 3 ст. 319 АПК РФ).

В уголовно-процессуальном законодательстве также предусмотрена возможность использования ЭЦП. Так, по ходатайству или с согласия обвиняемого, защитника или потерпевшего, а также при наличии технической возможности копия обвинительного заключения (при условии отсутствия в нём сведений, составляющих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, затрагивающих безопасность государства, права и законные интересы несовершеннолетних, или сведений о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы личности) может быть изготовлена в электронном виде и подписана посредством использования КЭП (п. 1 ч. 3 ст. 222 УПК РФ). Исполнительный лист вместе с копиями приговора, определения, постановления суда может направляться судом для исполнения в органы принудительного исполнения Российской Федерации в форме электронного документа, подписанного судьёй посредством КЭП (ч. 2 ст. 393 УПК РФ), ходатайство, заявление, жалоба или представление, не содержащие сведений, составляющих охраняемую федеральным законом тайну, могут быть поданы в суд таким же образом (ч. 1 ст. 474.1 УПК РФ).

С помощью НЭП может быть подпано ходатайство об ознакомлении с материалами дела, о получении копий процессуальных документов, об участии в следственных и иных процессуальных действиях (ч. 2 ст. 474.2 УПК РФ).

Таким образом, анализ процессуального законодательства России показывает возможность повсеместного использования ЭЦП в рамках судопроизводства, при этом законодатель предусмотрел возможность использования как квалифицированной, так и неквалифицированной электронной подписи, в зависимости от степени важности документов, которые ими удостоверяются, а также в зависимости от способа передачи этих документов.

Определение возможности использования ЭЦП в судебно-экспертной деятельности

Анализ современных источников показывает, что как в научной, так и в практической средах имеется определённый запрос на увеличение объёмов использования электронного документооборота в рамках судебной деятельности, чтобы в полной мере соответствовать вызовам современности, с одной стороны (например, ограничение работы государственных органов в связи с пандемией COVID-19), и развитию цифровых технологий, с другой. В связи с этим перечень доказательств в российском гражданском процессе должен быть расширен, т. к. как анализ современных источников информации в гражданском судопроизводстве позволяет выработать критерии получения достоверной информации, увидеть проблемы процессуального законодательства и указать пути его совершенствования [5, с. 275].

Помимо арбитражного, гражданского и уголовного процессов специалисты в области нотариального права также отмечают, что в последние годы существенно увеличилось количество нотариальных операций, которые осуществлялись с использованием цифровых технологий (в т. ч. с применением ЭЦП), в частности, только за 2023 г. было

оформлено более 12 тыс. завещаний и заключено около 12 тыс. соглашений о разделе наследственного имущества [4, с. 163–164].

Анализируя законодательство Российской Федерации в области судебно-экспертной деятельности, некоторые авторы справедливо отмечают, что в настоящее время в Федеральном законе «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ¹ (далее – ФЗ № 73) отсутствуют положения, позволяющие эксперту подписывать составленное им заключение электронной цифровой подписью [7, с. 124], в то время как законодательство Республики Казахстан допускает возможность составления заключения эксперта (экспертов) в электронной форме [11, с. 182].

Таким образом, сегодня сформировался актуальный запрос на повышение уровня цифровизации судопроизводства, и, по нашему мнению, данный процесс должен затронуть также и вопросы судебно-экспертной деятельности как одного из наиболее важных инструментов доказывания в рамках судебного разбирательства [6, с. 545].

Как известно, развитие экспертной деятельности требует постоянного совершенствования законодательства и внедрения инновационных методов [2, с. 439], и в этой связи нельзя обойти вниманием вопрос совершенствования судебно-экспертной деятельности в области её организационно-правовых вопросов.

Согласно положениям действующего законодательства, эксперт (эксперты) должен(ны) подписать своё заключение, в частности, об этом гласят положения ст. 25 ФЗ № 73-ФЗ, ст. 86 АПК Российской Федерации и других источников процессуального права. При этом в них отсутствует указание на тот факт, что подпись в обязательном порядке должна быть рукописной.

Вместе с этим в соответствии с ч. 1. ст. 6 ФЗ № 63-ФЗ² информация в электронной

¹ Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

² Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // СПС Консультант Плюс.

форме, подписанная квалифицированной электронной подписью, признаётся электронным документом, равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, и может применяться в любых правоотношениях в соответствии с законодательством Российской Федерации, кроме случая, если федеральными законами или принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами установлено требование о необходимости составления документа исключительно на бумажном носителе.

Так, в соответствии с п. 10 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции РФ¹ эксперт готовит на основании проведённых исследований и с учётом их результатов обоснованное, объективное письменное заключение и подписывает его.

В соответствии с положениями п. 28 Инструкции по организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации² заключение эксперта оформляется в двух экземплярах. Каждая страница заключения, включая приложения, подписывается экспертом и заверяется оттиском печати ЭКП.

Таким образом, можно сделать вывод, что никаких ограничений на использование КЭП вместо собственноручной подписи эксперта при подписании заключения эксперта в законе не имеется, потому как нет никаких указаний на использование исключительно собственноручной подписи ни в федеральном законодательстве, ни в ведомственных (внутренних) источниках.

¹ Приказ Министерства юстиции РФ от 28.12.2023 № 404 «Об утверждении Инструкции по организации производства судебных экспертиз в федеральных бюджетных судебно-экспертных учреждениях Министерства юстиции Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

² Приказ Министерства внутренних дел РФ от 29.06.2005 № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

Вместе с этим важным обстоятельством является тот факт, что помимо подписи эксперта в его заключении имеется другой обязательный удостоверяющий реквизит – оттиск печати судебно-экспертного учреждения.

В соответствии с положениями ч. 3 ст. 6 ФЗ № 63-ФЗ, если в соответствии с федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами или обычаем делового оборота документ должен быть заверен печатью, электронный документ, подписанный усиленной электронной подписью и признаваемый равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью, признаётся равнозначным документу на бумажном носителе, подписанному собственноручной подписью и заверенному печатью. Федеральными законами, принимаемыми в соответствии с ними нормативными правовыми актами или соглашением между участниками электронного взаимодействия могут быть предусмотрены дополнительные требования к электронному документу в целях признания его равнозначным документу на бумажном носителе, заверенному печатью.

Анализ данного правового положения свидетельствует о том, что, с одной стороны, сам факт наличия личной КЭП эксперта уже достаточен для подтверждения электронного документа, однако если у сторон электронного взаимодействия (судов, следственных органов, экспертных учреждений) возникнет какая-либо потребность в усилении уровня верификации электронного заключения эксперта, то они могут выдвинуть дополнительные требования в рамках действующего законодательства Российской Федерации.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что в данном случае, также как и в вопросе с собственноручной подписью эксперта, нет никаких оснований для ограничения судебно-экспертного учреждения в вопросе удостоверения заключения эксперта.

Рассматривая возможность использования КЭП для подписания заключения эксперта, следует отметить, что подобный подход может существенным образом ускорить процесс взаимодействия между судебными, следственными и экспертными органами, а в некоторых случаях такой подход будет способствовать оптимизации расходов на осуществление экспертного исследования, что позволит в некоторой степени снизить расходы суда, следствия и сторон на производство экспертизы. Кроме того, это придаст импульс развитию сетецентричности судебно-экспертной деятельности при производстве отдельных видов и родов экспертиз.

В некоторых случаях эксперт может осуществлять исследование вне судебно-экспертного учреждения, изучая материалы в электронном виде. К такого рода исследованиям можно отнести почерковедческую экспертизу, которая выполняется в отношении изображений документов, представленных на исследование в качестве цифровых изображений [10]. В данном случае эксперт может получить все необходимые материалы, включая исследуемые документы, образцы, определение / постановление о назначении экспертизы посредством электронной почты, а для производства такого исследования не требуется какого-либо специализированного материально-технического обеспечения (микроскопы, лупы, спектральные и измерительные приборы и т. д.), которое обычно применяется для изучения документов, которые представляются натурно.

Другим направлением судебно-экспертной деятельности, которая может выполняться в удалённом формате, является лингвистическая экспертиза. В неё входит решение экспертных задач, которые затрагивают вопросы исследования продуктов речевой деятельности в аспекте анализа их содержательной стороны или же индивидуально-авторских характеристик. В качестве материалов и объектов таких исследований чаще всего выступают письменные тексты, видео- или звукозаписи, которые могут передаваться на ис-

следование посредством интернет-связи. Следует отметить, что нередко объектами лингвистического исследования являются публикации в открытых источниках, в том числе в сети Интернет. Доступ к подобным объектам исследования имеется не только у экспертов, но и у любого пользователя сети Интернет. Кроме того, объектами экспертизы сегодня могут быть текст поста в социальной сети, текст разговора в мессенджере, текст комментария, текст статьи в интернет-издании и т. д. [1, с. 224].

Как показывает практика, для производства лингвистических экспертиз эксперту достаточно обеспечить доступ к исследуемому тексту. С точки зрения материально-технического обеспечения всё, что необходимо эксперту, – это научная и методическая литература и доступ к персональному компьютеру, вследствие чего нет никакой надобности в вызове эксперта в судебно-экспертное учреждение (помимо удовлетворения процессуальных требований, связанных с необходимостью выполнения собственноручной подписи в заключении эксперта, а также в подписке эксперта). Более того, проведение лингвистических экспертиз не предполагает применения разрушающих методов исследования, а используемые в отдельных случаях технические средства ограничены специализированным ПО, которое может быть установлено на компьютер эксперта и не требует использования специализированного лабораторного оборудования.

Ещё одним видом исследований, которые могут производиться удалённо, являются судебно-медицинские экспертизы документации в гражданском и уголовных процессах. Подобного рода исследования позволяют ретроспективно получить объективные данные о состоянии здоровья лица, имеющие значение для рассмотрения гражданского или уголовного дела. В рамках такого исследования экспертом изучаются различные медицинские документы: истории болезни, выписки, медицинские карты, эпикризы и т. д. Вся указанная документация может быть передана эксперту в электронном виде, что никак не снизит

качества и объективности проведения исследования. Более того, нередко медицинская документация хранится и активно используется в течение многих лет (например, медицинские карты пациентов), что влечёт за собой их физическое повреждение и обветшание. Транспортировка подобных документов может отрицательно повлиять на их состояние, что, в свою очередь, может привести к утрате важных данных. Исследование таких документов в цифровом виде позволит исключить необходимость их перевозки, что, в свою очередь, позволит сохранить их целостность.

Одновременно с этим такой подход может существенно сократить сроки производства экспертизы, что представляется особенно актуальным в условиях, когда судебная практика показывает, что роль и значение судебно-медицинских экспертиз по материалам гражданских дел неуклонно возрастает [3, с. 174].

Заключение

Следует отметить, что приведённый выше перечень видов и родов судебных экспертиз, которые могут проводиться экспертами удалённо и могут быть подписаны с помощью КЭП, далеко не исчерпывающий. Как отмечается в научной литературе, цифровые следы могут являться объектами практически любых видов или родов судебных экспертиз: трасологических, дактилоскопических, портретных, судебно-экономических, технико-криминалистических экспертиз документов и др. [9, с. 93]. Данное обстоятельство позволяет предположить, что если эксперт может проводить исследование цифровых объектов более традиционных видов экспертиз и ему для этого не требуется специализированного программного и/или материального обеспечения, то он должен иметь возможность оформить и передать готовое заключение тем же способом, которым им были получены материалы исследования.

Безусловно, подобный подход не может быть применён ко всем видам и родам судебных экспертиз, т. к. чаще всего процесс

производства экспертизы требует от эксперта личного взаимодействия с объектами, а также использования различного рода специализированной техники и ПО, однако в некоторых случаях, часть из которых описана выше, использование ЭЦП может положительно сказаться на судопроизводстве в целом.

В первую очередь, это касается вопроса снижения сроков производства экспертизы. Помимо этого, данный подход повышает межрегиональную мобильность судебных органов и судебно-экспертных учреждений. На сегодняшний день достаточно распространена практика назначения экспертиз в иные регионы страны, что связано как с возможностями более крупных судебно-экспертных учреждений, так и с желанием судов или сторон назначить исследование конкретному эксперту (наиболее опытному, авторитетному).

Если раньше суду приходилось направлять все материалы в судебно-экспертную организацию, которая в дальнейшем должна согласовать сроки их передачи эксперту для ознакомления, после чего вернуть их вместе с готовым заключением в адрес суда, то, с учётом возможности использования КЭП этот процесс может быть упрощён и сведён до коммуникации по электронной почте. В том случае, если объекты исследования достаточно хрупки или изношены (в первую очередь это касается документов), то сокращение количества транспортировок положительно скажется на их сохранности. Передача объектов судебной экспертизы и готовых заключений эксперта посредством электронной почты снизит финансовую нагрузку на государственные органы, поскольку отпадает необходимость оплаты почтовых, курьерских, логистических служб.

Таким образом, можно констатировать, что в настоящее время законом никак не ограничивается возможность подписания заключения эксперта, дачи подписки об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ, а также заверения документа экспертной организацией с помощью квалифицированной электронной подписи, что

позволяет не согласиться с отдельными авторами [7] в том, что в российском законодательстве не предусмотрена возможность подписания заключения эксперта посредством ЭЦП.

Отсутствие прямого указания на то, что эксперт имеет право подписывать своё заключение посредством ЭЦП, ещё не свидетельствует о наличии запрета на такой способ верификации заключения, а анализ федеральных и внутриведомственных источников права свидетельствует о том, что никаких ограничений на этот счёт не предусмотрено.

Использование ЭЦП (КЭП) для подписания заключения эксперта может способствовать сокращению сроков производства

экспертизы, расходов на транспортное и почтовое сообщения, уберечь ветхих и хрупких объектов исследования от повреждений. Вместе с этим мы полагаем, что использование ЭЦП (КЭП) не должно полностью заменять собой собственноручное подписание заключения эксперта.

По нашему мнению, оба изложенных варианта могут существовать параллельно и эксперт должен иметь возможность выбирать наиболее удобный и подходящий вариант верификации своего заключения в зависимости от сложившихся обстоятельств по аналогии с тем, как судебные и правоохранительные органы используют возможности цифрового документооборота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багрова Д. А. Текст электронных СМИ как объект судебной лингвистической экспертизы // Социально-гуманитарные проблемы образования и профессиональной самореализации (Социальный инженер-2022): сб. мат-лов. Ч. 8. М.: Российский государственный университет имени А. Н. Косыгина, 2022. С. 223–227.
2. Дудченко А. В., Хандусь И. О., Деркач А. А. Принципы регулирования экспертной деятельности в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 437–439.
3. Ефимов А. А., Колоколов Г. Р., Савенкова Е. Н. Роль и возможности судебно-медицинских экспертных исследований, проводимых по материалам гражданских дел, связанных с компенсацией морального вреда // Вестник СГЮА. 2025. № 1. С. 172–181. DOI: 10.24412/2227-7315-2025-1-172-181
4. Корепина Е. А., Дугарская Т. А. О внедрении современных цифровых технологий в деятельность российского нотариата // Закон и право. 2025. № 2. С. 161–165. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-2-161-165
5. Крепышев А. М., Юлбердина Л. Р. Правовой статус электронных документов как средства доказывания // Право и государство: теория и практика. 2023. № 8. С. 274–276. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_8_274
6. Новикова В. Д. Проблемы оценки заключения эксперта судом // Вопросы российской юстиции. 2025. № 36. С. 545–551.
7. Рамалданов Х. Х. Понятие и сущность цифровизации доказательств и доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 1. С. 121–128. DOI: 10.25724/VAMVD.ZDEF
8. Россинская Е. Р. Концепция частной теории цифровизации судебно-экспертной деятельности // Вестник экономической безопасности. 2022. № 5. С. 173–178. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-5-173-178
9. Россинская Е. Р. Учение о цифровизации судебно-экспертной деятельности и проблемы судебно-экспертной дидактики // Правовое государство: теория и практика. 2020. № 4-1. С. 88–101. DOI: 10.33184/pravgos-2020.4.9
10. Черепенько Г. В. К вопросу о возможности расширения понятия «копия» в судебно-почерковедческой экспертизе // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 7. С. 212–221. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.47.7.212-221
11. Шурухнова Д. Н. Основные направления внедрения электронного производства по делам об административных правонарушениях в Российской Федерации // Вестник экономической безопасности. 2023. № 5. С. 180–183. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-5-180-183

REFERENCES

1. Bagrova, D. A. (2022). Electronic Media Text as an Object of Forensic Linguistic Examination. In: *Social and Humanitarian Problems of Education and Professional Self-Realization (Social Engineer-2022). Pt 8*. Moscow: A. N. Kosygin State University of Russia publ., pp. 223–227 (in Russ.).
2. Dudchenko, A. V., Khandus, I. O. & Derkach, A. A. (2025). Principles of Regulating Expert Activity in the Russian Federation. In: *Agrarian and Land Law*, 4, 437–439 (in Russ.).
3. Efimov, A. A., Kolokolov, G. R. & Savenkova, E. N. (2025). The Role and Possibilities of Forensic Medical Expert Studies Based on Materials of Civil Cases Related to Compensation for Moral Damage. In: *Saratov State Law Academy Bulletin*, 1, 172–181. DOI: 10.24412/2227-7315-2025-1-172-181 (in Russ.).
4. Korepina, E. A. & Dugarskaya, T. A. (2025). On the Implementation of Modern Digital Technologies in the Activities of the Russian Notary Public. In: *Law and Justice*, 2, 161–165. DOI: 10.24412/2073-3313-2025-2-161-165 (in Russ.).
5. Krepyshchev, A. M. & Yulberdina, L. R. (2023). Legal Status of Electronic Documents as a Means of Evidence. In: *Law and State: The Theory and Practice*, 8, 274–276. DOI: 10.47643/1815-1337_2023_8_274 (in Russ.).
6. Novikova, V. D. (2025). Problems of Assessing an Expert's Opinion by the Court. In: *Issues of Russian Justice*, 36, 545–551 (in Russ.).
7. Ramaldanov, H. H. (2022). Concept and Essence of Digitalization of Evidence and Proof in Criminal Proceedings. In: *Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1, 121–128. DOI: 10.25724/VAMVD.ZDEF (in Russ.).
8. Rossinskaya, E. R. (2022). Concept of a Special Theory of Digitalization of Forensic Activity. In: *Bulletin of Economic Security*, 5, 173–178. DOI: 10.24412/2414-3995-2022-5-173-178 (in Russ.).
9. Rossinskaya, E. R. (2020). The doctrine of digitalization of forensic activity and problems of forensic didactics. In: *Rule of Law: Theory and Practice*, 4-1, 88–101. DOI: 10.33184/pravgos-2020.4.9 (in Russ.).
10. Cherepenko, G. V. (2018). On the Possibility of Expanding the Concept “Copy” in Forensic Handwriting Examination. In: *Courier of Kutafin Moscow State Law University*, 7, 212–221. DOI: 10.17803/2311-5998.2018.47.7.212-221 (in Russ.).
11. Shurukhnova, D. N. (2023). Main Directions for the Implementation of Electronic Proceedings in Cases of Administrative Offenses in the Russian Federation. In: *Bulletin of Economic Security*, 5, 180–183. DOI: 10.24412/2414-3995-2023-5-180-183 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черепенько Георгий Васильевич (г. Москва) – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Государственного университета просвещения; ведущий эксперт-криминалист АНО «Центр по проведению судебных экспертиз и исследований»; ORCID: 0000-0001-8809-3093; e-mail: g.cherepenko@sudexpa.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Georgie V. Cherepenko (Moscow) – Cand. Sci. (Law), Assoc. Prof., Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Federal State University of Education; Leading forensic expert, Center for Forensic Examinations and Research; ORCID: 0000-0001-8809-3093; e-mail: g.cherepenko@sudexpa.ru

МОСКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
2025. № 2

Над номером работали:
Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик В. А. Кулакова
Корректор И. К. Гладунов
Компьютерная вёрстка – В. А. Кулакова

Адрес редакции:
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)
e-mail: sj@guppros.ru
сайт: www.lawmgoujournal.ru

Формат 70x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура "Minion Pro".
Тираж 500 экз. Усл. п. л. 5, уч.-изд. л. 7,25.
Подписано в печать: 15.12.2025 г. Дата выхода в свет: 22.12.2025 г. Заказ № 2025/12-39.
Отпечатано в Государственном университете просвещения
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А